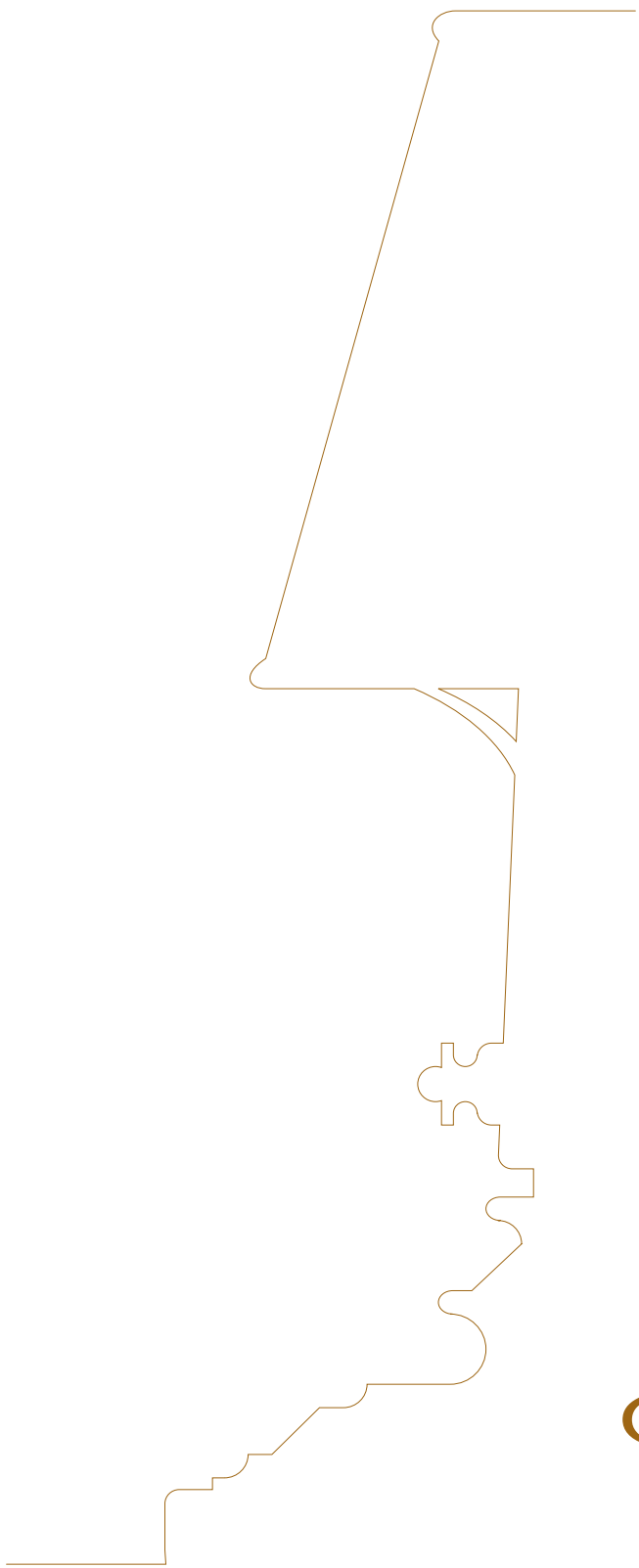

Московский
Методолого-
Педагогический
Кружок

30 лет
*служения истине и
культуре мышления*

Московский
Методолого-
Педагогический
Кружок

МОСКВА • 2008

30 лет
*служения истине и
культуре мышления*

Содержание

Московский Методолого-Педагогический Кружок

1. Как возник ММПК	5
2. Наши достижения	7
3. Сопоставление в метасредствах	10
4. Темы модулей	13

Методология

5. Что такое методология	19
6. Место методологии в цивилизационной динамике	35
7. Стратегический проект	46
8. Методологическая версия программы Президента России	50
<i>Список литературы</i>	60

ММПК в лицах 61

Московский Методолого-Педагогический Кружок

30 лет служения истине и культуре мышления

Уважаемый читатель!

Если вы активно участвовали в жизни нашего сообщества, информация для Вас является понятной, напоминающей трудный и блестящий путь добровольно взявших на себя миссию раскрытия сущности мышления, деятельности, развития в социокультурных и деятельностных системах, в культуре, выявления путей выращивания высших мыслительных способностей для решения наиболее сложных проблем в практике, аналитике, науке, культуре. Вы знаете, что сам ММПК возник для распространения методологии, для сохранения мирового логического, рефлексивно-мыслительного, философского наследия, для создания предпосылок превращения Отчизны в ведущую культурно-мыслительную державу в мире.

Если же Вы только «слышали» о методологии, встречались с методологами в различных дискуссиях и в игромодельных циклах, если Вы вообще не знаете ничего о методологии, о методологическом движении, возникшем в СССР в середине 50-х г.г. XX века, то почитайте материал второй части, где есть самые необходимые разъяснения, а затем вернитесь к материалам первой части. Многие вопросы, которые у Вас возникнут, не должны вас удручать, так как вы начали прикасаться к самому интересному и глубокому событию в сфере культуры, которое имеет свои предпосылки во всей истории человечества, но стало особым только в XX веке. Тем более, что на переходе от XX к XXI веку цивилизация оказалась в глубочайшем кризисе, она заглянула в глаза невиданной катастрофе, связанной с экологическими проблемами, болезнями, наркотиками, терроризмом и т.п.

Очиститься от этого поможет все накопленное человечеством в культуре и духовности, но особую роль в этом история отводит методологии. Чтобы это понять, нужно войти в ее специфическое бытие.

То, что Вы можете прочесть в этой работе, является лишь вступительной частью к 50 книгам, раскрывающим богатство потенциала методологии.

О путях развития ММПК, ставшего выразителем наиболее продуманной части методологического сообщества, Вы узнаете, если будете участвовать в симпозиуме.

Приготовьтесь понять проблемное поле ММПК и перспективы развития сообщества и самой методологии, формы интеграции в управление обществом, интенсификации всей интеллектуальной работы в России и СНГ, перспективы вывода цивилизации из кризиса.

Вместе с методологией Россия становится фактором развития всего мира наряду с подлинным обустройством своего отеческого пространства.

В добрый путь!

Лидер ММПК О. С. Анисимов

1

Как возник ММПК?

Созданию ММПК предшествовали следующие обстоятельства:

- ◆ *опыт пребывания создателя ММПК (О.С. Анисимова) в ММК с 1971 г.;*
- ◆ *отсутствие в ММК выделенных программ по подготовке «начинающих методологов»;*
- ◆ *отсутствие систематических попыток оформления накопленных различных, мыслительных инструментов, образцов методологической работы в трансляционные единицы;*
- ◆ *отсутствие инициативных групп, желающих строить трансляционный механизм для методологии;*
- ◆ *игнорирование основных требований к достижению трансляционного эффекта;*
- ◆ *устремленность к трансляционным целям создателя ММПК;*
- ◆ *накопленный опыт использования МРТ, ЛСУ, ЯСИ в решении исследовательских, диагностических, трансляционных и «базисных» задач и проблем в методологическом пространстве;*
- ◆ *уверенность в успехе оформления различий и инструментов, методов и т.п., накопленных в ММК для трансляционных целей;*
- ◆ *принципиальное отношение к перспективе применения идей педагогики и педагогической психологии к решению трансляционных и методических задач в методологии;*
- ◆ *уверенность в решающем значении МРТ для вхождения в мир культуры мышления и методологические разработки;*
- ◆ *уверенность в решающей роли ЛСУ, в решении теоретических и арбитражных задач и проблем.*

В октябре 1978 г. О.С. Анисимов провел первый семинар в рамках идеи ММПК и рассмотрения ММПК в качестве трансляционного звена в пространстве ММК.

Поскольку существовало много субъективных и объективных факторов, определивших отсутствие согласования программ работы ММПК с лидером ММК Г.П. Щедровицким, то совмещение усилий происходило опосредованно, через участие в реализации программ сектора НИИ Проблем Высшей Школы по проблемам практической подготовки студентов. Г.П. Щедровицкий выступал в качестве соисполнителя, а О.С.Анисимов – в качестве теоретика и идеолога сектора, сотрудника НИИ ВШ.

Тенденция движения ММПК, к 1982 году характерна увеличением функций, которые брал на себя ММПК. К 1982 г. ММПК взял на себя все функции методологического движения, сохраняя проблемную фокусировку и миссию трансляции методологической культуры и подготовки методологов.

Какие формы работы реализовывал ММПК?

Первой формой работы ММПК было проведение регулярных, еженедельных методологических семинаров. Вместе с расширением круга участников возникли «спутниковые» семинары с соразмерным участием лидера ММПК, О.С. Анисимова.

В 1983 году стали создаваться внутренние условия запуска игровых форм внутри семинара, появились «внутренние» игры с высокой мыслительной акцентировкой. Это подготовило оформление версии ОДИ, которая стала называться в середине 80-х г.г. «организационно-мыслительной игрой», ОМИ. Первая «внешняя» игра в г. Риге состоялась в 1986 г.

В связи с запуском масштабного образовательного проекта по повышению квалификации управленцев в Высшей школе управления с 1988 г. ММПК (особенно Московская группа) сосредоточился на проведении развивающих учебных игр, подчинив им методологические семинары.

В 1988 году была запущена программа игротехнической подготовки, которая привела в 1990 году к появлению игромодельных блоков-модулей и их циклических серий. Первая серия, начавшаяся в 1990 году, включала пять модулей по 3 недели каждая.

В условиях реформ и кризиса в стране тематика модулей с 1994 года сместилась на проблемно-поисковые линии разработок. Вновь возродились методологические семинары, готовящие условия для модулей и обсуждающие как результаты модулей, так и фундаментальные проблемы методологии. В середине 90-х г.г. была введена форма соучастия в играх и модулях, проводимых в регионах членами ММПК. Во второй половине 90-х г.г. модули стали двухнедельными.

Модули, проводимые два раза в год, превратились в деловой механизм не только продвижения по магистральным полям проблем, но и согласования всех действий в пространстве ММПК.

2

Наши достижения

ЛСУ

Логика систематического уточнения, оформившая основные логические идеи Гегеля и опыт обсуждения логики ВАК восхождения от абстрактного к конкретному.

1974

МРТ

Метод работы с текстами является механизмом мышления, обеспечивающим понимание, переход к критике, осуществление арбитража в дискуссиях и работе с фиксированными текстами любой сложности.

Является механизмом, обеспечивающим самосовершенствование и саморазвитие, обретение высших знаний и мыслительных способностей, высшего языкового самосознания.

1975

ЯСИ

Язык схематических изображений, выразивший, с учетом практики схематизации и общесемиотических оснований, основные единицы парадигмы изобразительных схем.

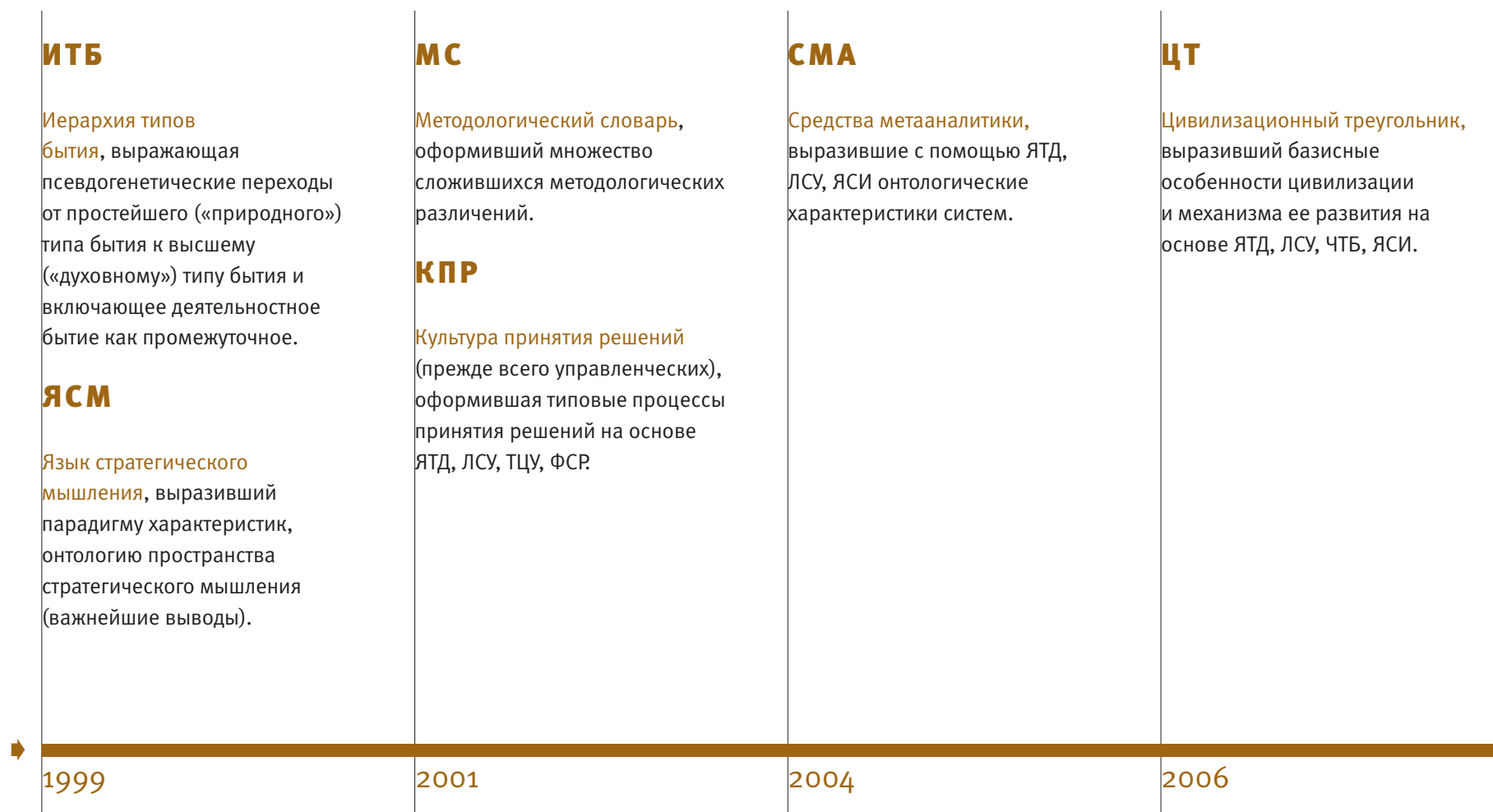
1978

ЯТД

Язык теории деятельности, совмещающая глубокую (по требованиям логики систематического уточнения) парадигматизацию и синтагматизацию, с учетом постановки задач и проблем, «свободу» - совмещает схемотехнику (конспектирование, построение и совершенствование, оперирование схематическими изображениями), логическое (принципы дополнительности и уточняемости) оформление мыслительных процессов, рефлексивную самоорганизацию (проблематизацию, депроблематизацию и прогнозирование).

1979

3

Сопоставление в метасредствах

I. Исходные основания

МЕТАСИСТЕМНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

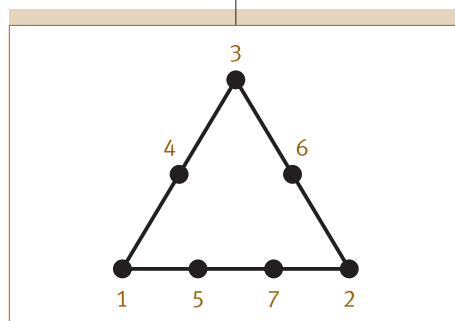

СХЕМА 1

Описание

В рамках системного подхода «нечто» рассматривается со сторон морфологической и функционально-формной, а в синтезе – организованной. Однако функциональное основание и морфологическое основание могут быть предельными в своей чистоте от конкретизаций и относительности, зависящими от необходимости анализа реального «нечто». Относительность, в свою очередь, либо не учитывает своей противоположности (морфологическое для функционального, функциональное для морфологического),

либо учитывает, уподобляясь противоположному, либо подчиняя уподобление своим особенностям (см. подробнее: Анисимов, 1997, 2007). Если учесть возможность наибольшего взаимочета в рамках идеи гармонизации различного в едином, то и появляется «семь» основных системных фокусов анализа (см. схему 1).

С этой точки зрения, Гегель говорит о том, что всеобщее основание (фокусировка 1, если оно обнаружено и «истинно», должно себя конкретизировать. При этом оно не должно уподобляться эмпирическому материалу и вносить деформацию своей истинности (фокусировка 5). Оно должно учитывать, но сохраняя свою основу (фокусировка 4). Полнота учета достигается в фокусировке 3, но лишь в рамках движения от 1 к 3, самосохраняя исходное основание.

ОНТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АКЦЕНТОВ МЕТАСИСТЕМНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

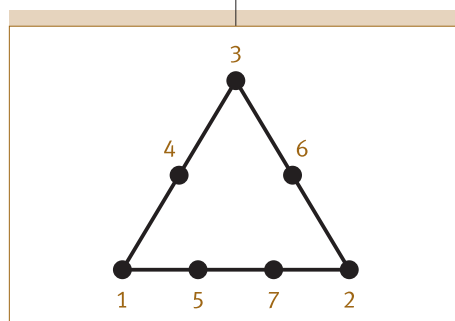

СХЕМА 2

Описание

Сочетание 1 и 2 означает полную разъединенность начал, отсутствие бытия.

Сочетание 1 и 7 – это адаптация морфологии к тому, что она понять еще не в силах, с закрытыми глазами. А сочетание 1 и 6 – это осторожная адаптация к непонимаемому.

Сочетание 4 и 6 означает осторожную адаптацию морфологии к непонимаемому самовыражению формы с некоторым учетом морфологии. А сочетание 4 и 7 – это доверительная адаптация к самовыражению формы, учитывающей морфологию. Здесь возможны лучшие исполнительские результаты.

Сочетание 5 и 7 – это взаимоадаптация с неопределенностью того, что требует форма от морфологии. Резкое накопление недоразумений и взаимных претензий после окончания взаимодействий. Сочетание 5 и 6 – это когда морфология вынуждает форму идти вслед за собой. Возрастает вероятность разрушения форм. Но если сама форма подчиняется «просвещенной» или устремленной на совершенствование морфологии, то появляется путь развития.

Такое рассмотрение, когда рассматривается морфология, которая «своевольничает», но устремлена к высокому, то есть к форме, позволяет от «семерки» перейти к «пятнадцати» системным акцентам.

ПРЕДЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

- 1 - абсолютное первооснование падение взлет
- 2 - первоморфология
- 3 - основанное (единое)
- 4 - относительное первооснование
- 5 - деформированное первооснование
- 6 - эгоцентричная морфология
- 7 - структурная морфология

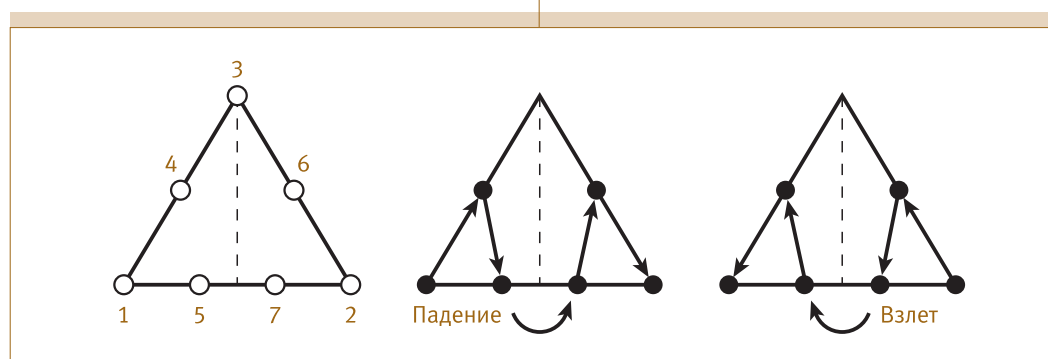

СХЕМА 3

II. Предпосылки

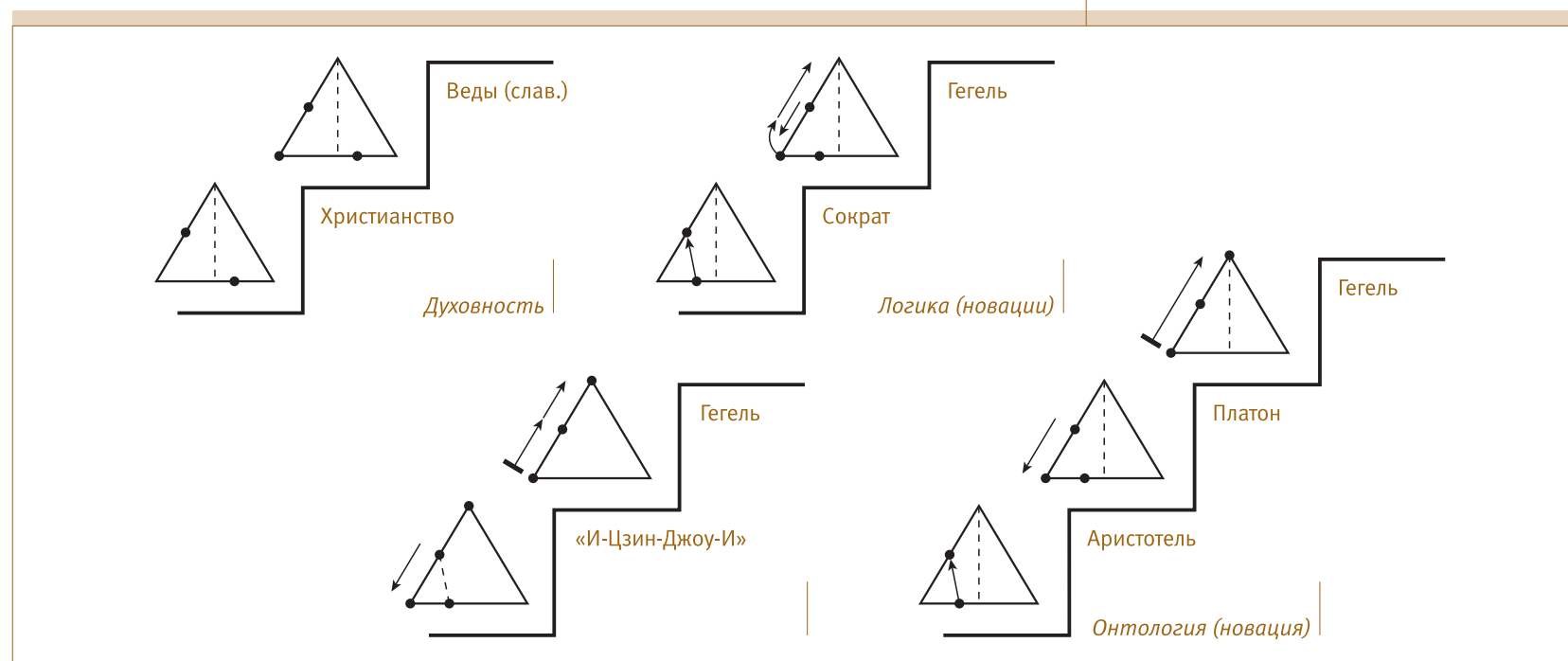

СХЕМА 4

III. Обзор сопоставительных характеристик
 ММК (Московский методологический кружок) и
 ММПК (Московский методолого-педагогический кружок)

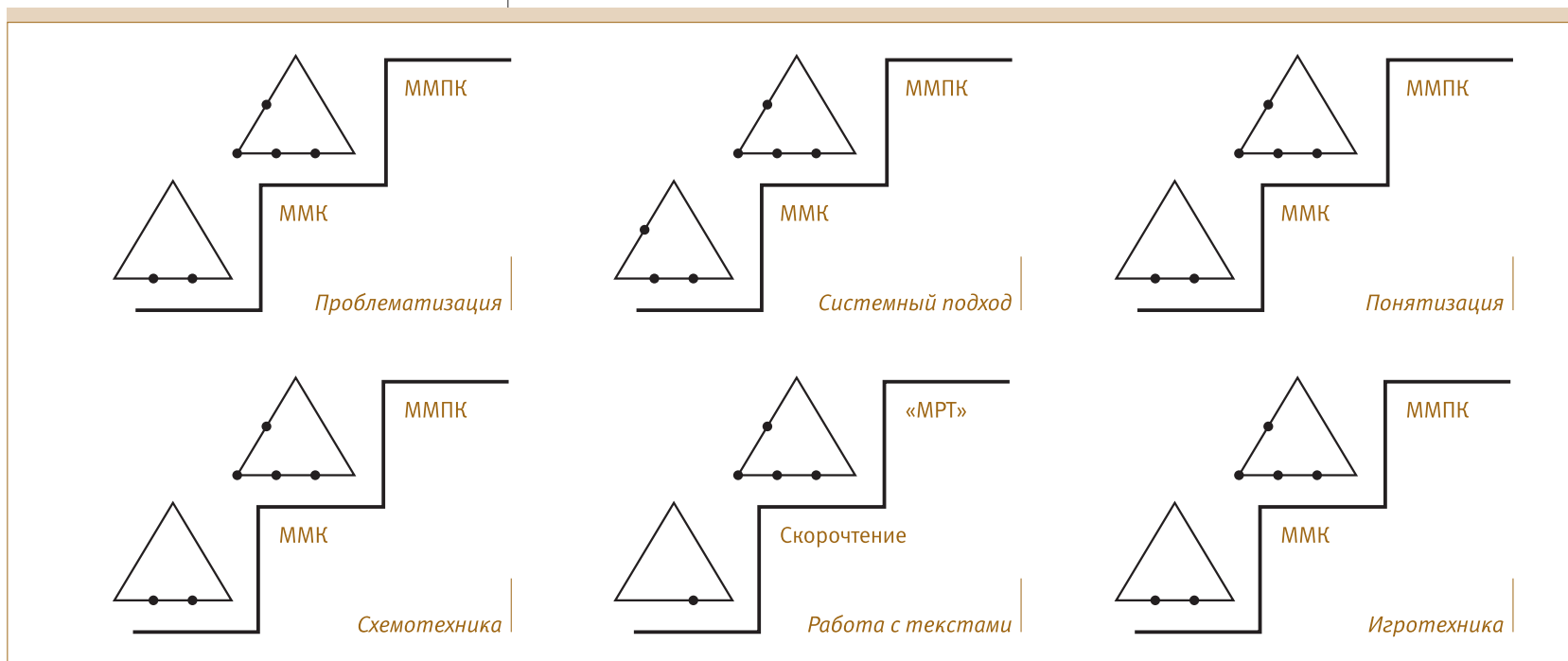

СХЕМА 4

4

Темы модулей

Хронологический порядок

Дата проведения	Тип события	Тема	Продолжительность	Место проведения
1985 г., декабрь	ОМИ	Метод работы с текстом		г. Москва
1986 г., июль	ОДИ	МЖК		г. Рига
1987 г.	ОКИ	Организационно-коммуникативный тренинг	Цикл семинаров	г. Москва
1988 г., октябрь	ОДИ	Методологическая подготовка управленцев	5 дней	г. Москва, РАМиА
1988 г. декабрь	ОДИ	Постановка и решение управленческих задач	5 дней	г. Москва, РАМиА
1989 г., февраль	ОДИ	Проектирование учебного курса подготовки управленцев	5 дней	г. Москва, РАМиА
1989 г., февраль	ОДИ	Постановка и решение управленческих проблем	6 дней	г. Москва, РАМиА
1989 г., июль		Игротехническая школа	3 недели	г. Москва, МИСИ
1989 г., август		Всесоюзная методологическая школа	3 недели	г. Вильнюс
1990 г., январь	Игра	Менеджмент-маркетинг	5 дней	г. Москва, МИНХ
1990 г., февраль		Игротехническая школа	3 недели	г. Великий Новгород
1990 г., декабрь	I-ый модульный цикл Модуль №1	Схемотехника	3 недели	г. Москва
1991 г., июль	I-ый модульный цикл Модуль №2	Организационно-коммуникативная организация	3 недели	г. Великий Новгород
1991 г., октябрь	I-ый модульный цикл Модуль №3	Логико-мыслительная организация	3 недели	г. Москва
1991 г., декабрь	Игра	Трансляция педагогических технологий	5 дней	г. Омск
1991 г., ноябрь	I-ый модульный цикл Модуль №4	Игротехника	3 недели	г. Великий Новгород

Дата проведения	Тип события	Тема	Продолжительность	Место проведения
1992 г, февраль	I-ый модульный цикл Модуль №5	Рефлексивный цикл методолога	3 недели	г. Москва
1993 г., январь	II-ой модульный цикл Модуль №1	Мыслекоммуникация: цикл противоговорения	3 недели	г. Москва, Соколовское
1993 г., апрель	II-ой модульный цикл Модуль №2	Понятие коррекционного действия ¹	3 недели	г. Нижний Тагил
1993 г., июль	II-ой модульный цикл Модуль №3	Язык схематехнических изображений как средство мышления	3 недели	г. Москва, РАМИА
1994 г., февраль	II-ой модульный цикл Модуль №4	Коррекция позиционно-кооперативного действия	3 недели	г. Москва, РАМИА
1994 г., апрель	ОМИ	Анализ экономических программ	5 дней	г. Москва
1994 г., март	ОДИ	Понятие экспертиза и экспертной мыследеятельности	1 неделя	г. Новокузнецк, ИПК
1994 г., июль	II-ой модульный цикл Модуль №5	Логико-мыслительные основы управленческой деятельности	3 недели	г. Москва, РАМИА
1994 г., декабрь	Лидерский модуль №1	Диагностика игротехнических способностей	2 недели	г. Москва
1995 г., февраль	II-ой модульный цикл Модуль №6	Основы игротехнической деятельности ²	3 недели	г. Москва, Институт молодежи
1995 г., май	Лидерский модуль №2	Рефлексивная кооперация	2 недели	г. Москва
1995 г., декабрь	ОМИ	Экспертиза учебных программ	1 неделя	г. Новокузнецк, ИПК
1996 г., февраль	Лидерский модуль №3	Логико-онтологическая организация мысли	2 недели	г. Москва
1996 г., март	ОМИ	Проблематизация	10 дней	г. Новокузнецк
1996 г., май	ОМИ	Абстракции и абстрагирование	10 дней	г. Омск, ИПК
1996 г., июль	Поисковый модуль	Технология проблематизации в структуре принятия управленческих решений	2 недели	г. Москва, РАМИА
1997 г., февраль	Поисковый модуль	Психотехника и общение в управлении	2 недели	г. Москва, РАМИА
1997 г., май	ОМИ	Формирование высших абстракций	10 дней	г. Омск, ИПК

¹ Модуль проходил без непосредственного участия О.С.Анисимова, метаигротехником в событии был С.П.Луполенко

² Метаигротехником в событии был В.Н.Верхоглазенко

Дата проведения	Тип события	Тема	Продолжительность	Место проведения
1997 г, июль	Поисковый модуль	Психотехника в моделировании управленческой деятельности	2 недели	г. Москва, РАМИА
1997 г., ноябрь	ОДИ	Системогенез в пространствах деятельности	1 неделя	г. Новокузнецк, ИПК
1997 г., декабрь	ОМИ	Эмпирическое мышление и ситуационные реконструкции	1 неделя	г. Омск, ИПК
1998 г., январь-февраль	Поисковый модуль	Групподинамика и группотехника в игротехнической и управленческой деятельности	2 недели	г. Москва, РАМИА
1998 г., март	ОДИ	Анализ систем деятельности	1 неделя	г. Новокузнецк, ИПК
1998 г, апрель	Коммерческая игра	Бюджетный процесс: распределение	3 дня	г. Балашиха
1998 г., июль	Поисковый модуль	Системодетальностное проектирование в управленческой деятельности	2 недели	г. Москва, РАМАБ
1998 г., октябрь	Игра	Проблемы профессиональной подготовки учащихся техникумов	3 дня	г. Москва
1998 г., ноябрь	Коммерческая игра	Бюджетный процесс: планирование	3 дня	г. Балашиха
1999 г., июль	Поисковый модуль	Культура системо-деятельностного проектирования в управлении	2 недели	г. Москва, УВК №1601
2000 г., февраль	Цикл «Трансляция языка теории деятельности» Модуль №1	Трансляция языка теории деятельности	2 недели	г. Москва, РАМИА
2000 г., июль	Цикл «Трансляция языка теории деятельности» Модуль №2	Логико-мыслительные основы трансляции языка теории деятельности для использования в практике управления	2 недели	г. Балашиха, Земская гимназия
2001 г., февраль	Цикл «Трансляция языка теории деятельности» Модуль №3	Логико-онтологические основы трансляции языка теории деятельности в управлении	2 недели	г. Москва, Московский педагогический колледж
2001 г., июль	Цикл «Трансляция языка теории деятельности» Модуль №4	Онтология деятельности в структуре управленческого мышления	2 недели	г. Москва, Московский колледж налоговой полиции
2002 г., февраль	Тематический модуль	Процесс принятия управленческого решения	2 недели	г. Москва

Дата проведения	Тип события	Тема	Продолжительность	Место проведения
2002 г., июль	Тематический модуль	Уровни принятия управленческих решений	2 недели	г. Москва, Московский колледж налоговой полиции
2003 г., февраль	Тематический модуль	Механизм принятия управленческих решений: уровни развития	2 недели	г. Москва, МГСУ
2003 г., июль	Тематический модуль	Методологическое самоопределение и принятие решений в управленческих иерархиях	2 недели	г. Москва, Московский колледж налоговой полиции
2004 г., февраль	Тематический модуль	Методологическое обеспечение процесса разработки идеологий и их использования в управленческих структурах	2 недели	г. Москва,
2004 г., июль	Тематический модуль	Механизм принятия кадровых решений и кадровая политика	2 недели	г. Переславль-Залесский, Кинофотохимический колледж
2005 г., февраль	Тематический модуль	Лидер России: сущность и пути формирования	2 недели	г. Москва, РАГС, УОК «Солнечный»
2005 г., март	Игра	Молодежная политика в студенческой среде	4 дня	г. Тюмень
2005 г., июль	Тематический модуль	Культура в принятии стратегических решений	2 недели	г. Переславль-Залесский, Кинофотохимический колледж
2006 г., февраль	Тематический модуль	Этно-культурно-исторические факторы принятия стратегических решений	2 недели	г. Москва, РАГС, УОК «Солнечный»
2006 г., июль	Тематический модуль	Совмещение критериев интеллектуального, нравственного и духовного начал в принятии стратегических решений	2 недели	г. Пущино, филиал МГУ «Научный центр РАН»
2007 г., февраль	Тематический модуль	Системная аналитика метафизического типа в стратегическом мышлении	2 недели	г. Москва, РАГС, УОК «Солнечный»
2007 г., июль	Тематический модуль	Сущность религии и сопоставление оснований религиозных систем в качестве факторов принятия цивилизационных решений	2 недели	г. Пущино, филиал МГУ «Научный центр РАН»
2008 г., февраль	Тематический модуль	Духовность в методологии	2 недели	г. Москва, РАГС, УОК «Солнечный»
2008 г., июль	Тематический модуль	Механизм сплочения инновационных сил и принятие стратегических решений	2 недели	г. Пущино, филиал МГУ «Научный центр РАН»

Методология

Уважаемый читатель!

Во второй части мы не только разъясняем особенность методологии как культурного явления и фактора качественного совершенствования всей интеллектуальной практики.

Мы раскрываем роль методологии в цивилизационной динамике, которая становится все более определяющей, хотя и опирается на другие потенциалы культуры и духовности.

Мы показываем формы участия методологии в государственном управлении, в разработке и коррекции стратегий. Но также раскрываем путь модернизации самой методологической работы, ее переход на рельсы регулярной «фабричной» практики, включенность в кооперацию с интеллектуально ёмкими типами деятельности.

Прочтя этот раздел, Вы приготовитесь к дискуссиям о стратегии и тактике дальнейших разработок в ММПК и всего методологического сообщества.

Приглашаем Вас к высокоорганизованным формам дискутирования для взаимопонимания и совместного складывания конкретных проектов сотрудничества в едином интеллектуальном пространстве страны, стран СНГ.

Мы продемонстрируем многие технологические стереотипы, которые нужны для эффективных и глубоких процессов постановки и решения проблем, для успешного завершения полемики по ключевым вопросам.

Но предварительно Вам нужно почитать материалы раздела, быть готовыми к тому, что еще не знакомо в «обычной» практике мышления.

Если Вы будете внимательными, терпеливыми, активными и самоорганизованными относительно предлагаемых рамок работы мысли, мы увидим Вас и в дальнейшем, понявшем неизбежность методологического всеобуча в общей линии роста качества интеллектуальной работы.

И мы вместе будем возрождать величие России и близких нам стран во имя истины и цивилизационного благополучия на всей планете.

Лидер ММПК О. С. Анисимов

5

Что такое методология

Тот, кто активно участвовал в инновационных процессах второй половины XX века, в самых острых дискуссиях в связи с развитием практики, науки, культуры, пытался разобраться в крупномасштабных проектах отраслевого, регионального и федерального уровня, не мог не встретиться с особой группой, характерным множеством людей, которые называли себя «методологами». Их поведение настолько отличалось от проявлений «обычных» специалистов, что первый период делового знакомства осознавался в словах превосходной степени. Какие именно содержания оценивались в «превосходной риторике», какие особенности в поведении производили яркий след в памяти и т.п., зависело от сферы деятельности, от предметной прикреплённости. Во всяком случае, они открывали «новый мир», мир рефлексии, анализа действий, мышления, взаимодействий, оснований действий и мышления.

Оказывается, что кроме содержания мысли есть еще и ее форма, а кроме формы существуют еще и механизмы деятельности, коммуникации, мышления. Без обращения внимания на формы, средства, механизмы «рефлектирующего мышления» нельзя ни в чем серьезно разобраться. Подобные утверждения чаще всего слабо вписывались в обыденную форму размышлений.

Любой, начинающий соприкасаться с методологами, стоял перед выбором. Либо входить в мир неясного, «птичьего» языка, либо посчитать, что методологи навязывают свои особенные подходы, не видят меры в этом, предстают в качестве мыслительных экстремистов, в качестве «назойливых мух» и т.п., что автоматически ведет к отстранению от них или еще хуже – к попыткам избавиться от них.

С внешней стороны энтузиазм критики, который был у заядлых методологов неисчерпаемым, представал как досадное препятствие к спокойному анализу или рядоположенности отличающихся мнений. Казалось, что пафос методологической критики пролетает мимо ясных, сложившихся содержаний, мнений. Тем более, если предпринималась попытка выявить, а какое содержательное мнение есть у самих методологов, то чаще слышался «странный» ответ: – «Зачем это нужно? Думать нужно совсем о другом, о способах, о средствах, подходах, механизмах работы, мышления, взаимодействия и т.п.».

Казалось, что методологи просто не знают то, про что ведется речь, не являются специалистами в конкретной области и потому не могут и не хотят вести содержательный диалог.

Кроме того, смещение в сторону содержательности они воспринимали как исходный грех и бессмысленность. Это было похоже на увлеченное уничтожение «стульев», на которых сидят мыслящие, ищущие специалисты.

Поскольку историю партии изучали все, то аналогии возникали сами собою. Большевики присоединялись к спокойно живущим пролетариям и даже крестьянам и разъясняли им, что они должны не встраиваться в существующий режим, а ломать его, так как он их эксплуатирует, должны разрушать эксплуатацию и готовиться к строительству нового мира. Естественно, что большевики были энергичны, беззаветны, убеждали систематично и заталкивали в борьбу с режимом, со всем прогнившим в обществе, со всем, что только есть.

Враги легко выявлялись и нередко оценивались как недостойные не только спокойной жизни, но и самой жизни. Могли стать недостойными жизни и сами пролетарии, которые так упорно не хотят увидеть свое рабское положение. Ну, чем не экстремизм?!

Отчаянные любители свободы и разрушения затем перенесли пафос на борьбу с теми, кто не так быстро трансформировал общество. А тут еще и стратеги трансформации появлялись, и была возможность активно вдавливать в ход трансформации и нещадно сражаться с теми, кто сомневается в привлекательных качествах нового режима.

Экстремизм, начатый в чем-либо, находит свое положение во всем. Тут не до истины и убеждения, убедительности! Если не хватает убедительности, то поможет сила.

Аналогия всегда лишь похожа на «правду». Так проблематизирующее наступление в дискуссии и устранение всех предшествующих содержательных опор, в силу их полной «никчемности», «ненужности» в линии смещения акцентов совсем не предполагало насилия над проблематизируемым дискуссионным участником. Его никто не пытал, не бил, не отвозил в места не столь отдаленные. В худшем случае, пока еще шла дискуссия, а иногда и после нее, говорилось о том, что подход и сам проблематизируемый ни на что не годен, и ему пора отказаться от бессмысленного продолжения пройденного пути. Однако для любого человека, в том числе и заблуждающегося, слабо разбирающегося, даже закостенелого, существует та или иная доступная ему, удобная форма предубеждения, сохраняющая его самоуважение, достоинство и т.п.

С другой стороны, и сами методологи далеко не все непременно хотели проблематизировать в крайних вариантах, похожих на травматизацию. Немало было принципиальных, но гибких и даже деликатных проблематизаторов.

Однако запоминались, прежде всего, именно «бойцы» мысли, служители развития через устранение прошлого опыта. Тем более что опыт устранения прошлого был многообразен. Например, «устранения» как малозначимого досоветского периода жизни страны или устранение «языческого» периода как во всем неистинного и темного.

Принципиальность борьбы за развитие и осмысленность деятельности, мышления, за рефлексивную обоснованность всех проектов была не только действием, но и обоснованным действием, «священным» действием.

Для тех, кто сталкивался с принципиальными методологами, с яркой и бескомпромиссной критикой, с предъявлением в ней «странных» оснований, опорных схем, кто пережил шок различия подходов и безальтернативности, кто сохранил способность к самокритичному размышлению, готовности к смене точки зрения, но только после достойного выявления иной пер-

спективы, кто предполагает и сохранение своей точки зрения, если она победит в соревновании версий, для тех мы внесем некоторые исторические и сущностные разъяснения.

Следует учесть, что мы тоже принадлежим сообществу методологов и служим методологической функции. Мы хотим случайное и неслучайное в методологическом явлении различить и разделить, имея огромный аппарат решения подобных задач (четыре десятка монографий с готовыми к любой критике содержаниями фундаментального и прикладного характера).

Побудителем к тому движению, которое стало методологическим, выступил А.А. Зиновьев, который в середине 50-х годов защитил диссертацию о «методе Маркса» в «Капитале». Это была необычная по серьезности и научной честности работа, а ее значимость для понимания метода и экономической системы Маркса, самого марксистского видения сути явлений и истории предопределила не только интерес всех активных философов и размышляющих людей, но интригу будущего спора. В самой личности А.А. Зиновьева сплелись устремленность на выяснение истины и склонность к яркому дискутированию, бескомпромиссности в отстаивании своей точки зрения.

В условиях догматизма и жесткого слежения за соблюдением догм раскованность, энергия и логика не могли не произвести эффект на ищущие умы. Тем более что сама логика лишь обслуживала поиск ответов на вопросы о причинах необустроенности управления и общества в целом. Борьба с ограничениями в движении мысли и гражданском самовыражении увлекла склонных к этому, готовых к полемике молодые силы. Среди них оказались и такие известные затем мыслители, как М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин, Г.П. Щедровицкий и многие другие.

Если А.А. Зиновьев ставил логические проблемы и задачи для коррекции гуманитарных наук, то Г.П. Щедровицкий выделил не только слой программ реформирования наук, но и реформирования способа реформирования, способа постановки проблем и их решения. Усилиями складывающегося инновационного сообщества с логической и науковедческой акцентировкой, а затем и целым веером акцентировок, воспроизвелись две крупномасштабные ситуации, имевшие ранее яркое воплощение в Древней Греции и Германии конца XVIII и начала XIX веков. Подобные ситуации возникали и в иные времена, но не столь принципиально.

В Греции, обладавшей опытом размышлений и обоснований, постоянных судебных выяснений складывающихся недоразумений и конфликтов, появился Сократ. Он ставил вопросы о «сути вещей», не удовлетворяясь версиями, зависящими от массы субъективных и исторических обстоятельств. «Суть вещей» должна быть одна, и неважно, кто ею обладает. Только имея ее, можно анализировать и проявление сути, а также иметь частные мнения, зависящие от того, что увидел познающий.

Для тех, к кому обращался Сократ, главным было то или иное мнение, а суть невозможно было установить. Поэтому настойчивость Сократа заставляла делать выбор между частным мнением, которое было у каждого участника спора, и тем, что находится где-то вне мнений. При выборе второго пути предполагалось дополнительное напряжение мысли, поиск того, что нельзя созерцать и, что очень важно, прохождение пути внутренних перестроек, чтобы обрести способность видеть невидимое, мыслить суть «как таковую».

Естественно, что Сократ был большинству неудобен, не нужен, был отвлекающим от обычного самовыражения. После определенной черты сохранения терпимости сограждане решили избавиться от «назойливого» мыслителя, отравили его.

Подобным образом, с применением иных установок и средств избавились иудеи и от Христа, обращавшего внимание на первопричины бытия и необходимость служения им, а не только безответственного обсуждения вопросов о сути бытия, о том, что такое Бог. Христос был неудобен, не нужен, отвлекающим от самовыражения и эгоцентрического отношения к тому, что является «истиной».

Ситуация Сократа была характерна введением различия между сущностью и явлением, созерцаемым и умопостигаемым, между разными механизмами познания, требующими различных по объему и качеству усилий, чтобы обладать способностью к умопостижению в отличие от имеющегося потенциала созидания.

Сократ «надоел» призывами к смене способа и механизма познания, к положению невидимых первопричин проявляющегося.

Когда А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий и др. призывали к конструированию понятий, к формам мышления, соответствующим этому, они сражались против эмпиризма как ведущего основания, против содержательной установки в познающем мышлении, так как содержание мысли отстраняет от процесса, механизма мышления, его средств. Они призывали учесть зависимость содержания понятий и мышления в целом от того, кто и как конструирует понятия, учесть относительность любого вводимого мышлением содержания. Эти установки и превращали мыслителей в методологов, хотя и с логическим «уклоном».

Нельзя сказать, что никто не знал об этой относительности. Знали еще в Древней Греции, позднее в XX веке возникло много направлений философии, где обсуждали вопросы операционализма, инструментализма, системотехники, языковых систем и т.п. И в Древней Греции находились те, кто интересовался умопостигаемым до Сократа. Но именно Сократ придал принципиальность этому утверждению и систематически транслировал принцип, побуждая других заниматься подобными поисками и размышлениями.

Были и в СССР философы, логики, знающие об инструментальности и операциональности понятий, их роли в порождении надежных, осмысленных суждений и умозаключений. Но наши герои осуществляли социокультурное и внутри научно-культурное воздействие и не могли не вызывать реакцию на свою «настырность» и энтузиазм в критике. Как говорил А.А. Зиновьев в начале 2000-х гг. в беседах с нами, пятьдесят лет критики эмпиризма мысли, пренебрежения логическими формами не возымели действия на гуманитарные науки, которые сохранили свою предлогичность и незамечаемые многочисленные парадоксы. Энтузиазм критиков породил и бурные возмущения, и бурю восторгов у любителей мыслительных спектаклей или любителей продвижения к истине.

Ситуация Германии, философского поиска в конце XVIII и начала XIX века была немного похожей, но и особенной. Кант осуществил принципиальное переакцентирование с результата познания, знания, на познавательные способности и поставил приход к истинному знанию в зависимость от сформированности, развитости, выращенности высших способностей к по-

знанию, к познающему мышлению. Он подчеркнул, как и его последователь Фихте, что философское мышление, могущее прийти к истинному знанию, опирается на соответствующее развитие сознания, самосознания, внутреннего устройства познающего.

Поэтому стало ясно, что нужно спорить не о содержании знания, версий о познаваемом, а о способностях. Если не зафиксированы необходимые способности, то вероятность серьезного мнения считается незначительной, не стоящей разбирательства.

Критика способностей и выявление особенностей высших способностей, «чистого разума» предстает как главное занятие стремящегося к подлинному познанию. Естественно, что резкий рост значимости сознаваемости, самосознаваемости, рефлексивных способностей менял весь механизм организации познавательных и иных процессов, условий успешности решения интеллектуальных задач и проблем.

Возник спор о тех формах мышления, которые ведут к содержательности, отражаемости, выражаемости мысли и преодолевают формализм, бессодержательный конструктивизм, произвольность в построении высказываний.

И вот появился Гегель, который не только подхватил дискуссии, но и поставил вопросы в русле «псевдогенетического» подхода. Для него стало принципиальным ответить на вопросы о том, какова последовательность роста внутренних познающих и иных способностей, каковы особенности каждого этапа, что такое высшие способности духа.

Главнейшим стал вопрос о механизме перехода от менее развитого к более развитому. Более того, он ставил вопрос и отвечал на него, как надо мыслить о мышлении, обо всех свойствах духа, чтобы знания о духе были неслучайными. При этом вопрос о соотношении формы и содержании мысли на разных этапах приводит к абсолютному познающему мышлению, раскрытие ответа на него давало обоснование как «абсолютному» методу, подхваченному Марксом в рамках уровня понятости метода, так и отражало само становление и полное прохождение пути духа. Заветы Канта и Фихте были реализованы в полноте самообоснования. Такого результата еще никто не предполагал ранее и не продвинулся вперед впоследствии. Хотя ряд намеков был во всей истории философии, в том числе в Древней Индии, Древнем Китае, Древнем Египте, Древней Греции, Древней Персии и т.п. Неслучайно, что само движение мысли в философии обсуждалось в рамках «метода», а не в зависимости от интеллектуально-содержательной компетентности.

Почему так важно отметить гигантский подъем мысли, ее проникновенности в этот период? Потому что удалось углубить представления о «сути вещей» через углубление представлений о самом познающем. Мнения о сущем стали связанными с тем, «как» мыслят о сущем и входят в согласование между содержательностью версий и применяемыми формами, методами, а затем и средствами мышления.

К сожалению, уровень кардинальных изменений в механизме мышления, ведущий к резкому росту ответственности за содержательный результат, к эффективности мышления, к его культурной углубленности и возвышенности не был удержан. Общий тонус мышления в познании вновь стал отходить от критериев самоосознанности, рефлексивной сопровождаемости, от соотношенности с тем, что является более неоспоримым. Вновь зависимость мысли от мысля-

щего, его конкретного потенциала и опыта становилась ведущей. Право на мнение вытесняло ответственность перед вечным, перед сущностью, перед предназначением, функцией мыслящего, познающего. Под обстрел критики стала вводиться критика способности к познанию.

Этому способствовало то, что гораздо легче самовыражаться в познании, чем сделать себя агентом неслучайного, идущего от сущности мышления. Маркс воспользовался методом, хотя и критиковал систему Гегеля, не пройдя границ пронизательного установления зависимости между методом и системой. Он критиковал идеализм Гегеля, как и других идеалистов, не выявив для себя особенности философского мышления и познания в той мере глубины, которая была обязательна для философов.

Вновь возникает вопрос – почему столько внимания немецким мыслителям при обсуждении сущности методологии?

Дело в том, что марксисты в СССР чаще всего и главным образом воспроизводили парадокс. Они брали, вслед за Марксом, метод как положительное, систему – как отрицательное, крайне поверхностно понимая и метод, и систему. Но Маркс решал конкретную проблему в экономической теории, а затем и в политэкономии. Маркс не смог взять метод в чистоте, так как он не входил в линию собственно логических реконструкций и разработок. Но он увидел «дух» метода и размышлял в теоретической экономии, уподобляясь псевдогенезу. В результате он дал образец высокой экономической мысли и даже онтологический результат, показав устройство капиталистической экономики «по сути». Попытки читать «Капитал» и др. сочинения вне рамок метода были безуспешными, поверхностными, выхолащивали мысль Маркса.

Большее внимание уделяли политическим следствиям экономической теории. Но здесь у Маркса не было заметно применения метода, и он рассуждал «обычным» образом.

В результате сочетание сущностного и случайного в его мысли привело к соблазнительным проектам, подхваченным, в частности, в России и ко многим спекулятивным выводам. В то же время, Маркс великолепно показал развитие производительных сил и роль средств производства в смещениях в механизмах производства и даже в обществе в целом. Неточно поняв метод и не приложив его к устройству общества, ограничившись дологическими способами размышления об обществе, Маркс дал повод к спекулятивным версиям.

Мы хотим сказать, что глубина взглядов в той или иной области зависима от прилагаемого метода и неприменение метода, принципиально устранявшего формализм теоретической мысли с неизбежностью вело к поверхностным, иллюзорно значимым результатам. После Гегеля философ и фундаментальный мыслитель-ученый уже не имел права игнорировать метод, во благо надежного приближения к истине. Но этот метод должен был не «помечаться» как канон в изложении Маркса, а раскрываться и постоянно быть в зоне его правильного или еще более глубокого выражения.

Марксисты исключили на долгое время критическую значимость мысли, возможность и необходимость проверки того, что кажется неоспоримым. В результате Гегель остался непонятым и его метод трактовался с подстройкой под готовые образцы. В то же время, в Европе и других странах в зонах мысли Гегель трактовался еще менее глубоко и проникновенно, вне указаний на условия критической проверки любой теории. Гегель и сейчас остался вне зоны достойного понимания.

Более того, многие философско-методологические разработки второй половины XIX–XX веков возвращались к «азам» дискуссии начала XIX века и детализировали многие стороны мыслительного механизма, но не самые значимые для понимания метода.

Тем самым, терялась возможность сущностно понять динамику общественного движения, складывающиеся перспективы и кризисы. Учение об обществе осталось эмпирическим или спекулятивно-формальным.

При анализе «метода Гегеля» или даже «метода Маркса» легко выйти на механизмический анализ мира мышления, познания, проектирования, прогнозирования, а затем и всего мира «методов». Тем более что обоснование метода давалось через введение пути духа, рефлексивные следжения за ростом духа, включая его нормативные проявления. Оставалось немного. Связать мир мышления с миром деятельности через посредство механизмов рефлексии.

Материал для принципиального раскрытия мира деятельности увеличивался вместе с реконструкциями динамики производительных сил. Эта динамика имела причины фундаментального характера, механизмы развития систем деятельности и рефлексивное обеспечение развития. Чем более гигантскими становились монополии, корпорации, государственные управленческие системы и т.п., тем настоятельнее нужно было разобраться в сущности мира деятельности, в сущности его саморазвертывания, в роли рефлектирующего мышления.

Но в середине 50-х годов XX века, когда возникало методологическое движение, ведущим было устремление понять формы движения мысли, разобраться в логике и логическом обеспечении теоретического мышления в науке, а также модернизировать сам механизм науки. Поскольку в области логики труднее всего проявлять волюнтаризм и следование стереотипам идеологического характера, то обращение А.А. Зиновьева к логическим формам мысли Маркса стало возможным, но и ответственным из-за особой роли ритуалов отсылки к «методу Маркса» в практике марксистского мышления об обществе. Учитывая опыт прагматизма, операционализма, инструментализма, философии, языка разработок, формальной логики и т.п., А.А. Зиновьев стал искать общие основания организации языкового мышления и особенности метода «восхождения от абстрактного к конкретному». Конечно, было бы лучше соотнести опыт Маркса с наследием Гегеля и понять первопричины диалектического движения мысли в псевдогенезе. Но замечательна и сама попытка серьезного анализа способа мышления Маркса в «Капитале». Однако А.А. Зиновьев вплотную подошел к логическому «Измаилу», но остановился на подступах к основным «укреплениям». Не удалось соотнести форму и содержание мысли в рамках этого метода и другим, в том числе М.К. Мамардашвили. У Э.В. Ильенкова, как и других почитателей диалектики, акцентировка была преимущественно содержательная. Поэтому о раскрытии метода нельзя было думать всерьез.

В то же время само обсуждение сложнейшей темы, вхождение в механизм реконструкции, осознание его рефлексивной природы помогало вновь войти в содержательную, но механизмическую по своей сути зону выяснений мыслительных процедур, их зависимости от языковых средств, от логико-грамматических форм, от высших мировоззренческих абстракций, категорий. Чтобы удержать анализ механизма в воспроизводимом состоянии, придать ему вечность существования и этим сделать возможным постоянное совершенствование взглядов о механизме мышления, требовались два условия.

Во-первых, придать дискуссиям роль практики мышления, которая должна воспроизводиться. Логические формы и рамочные реконструкции, изучение мышления выявлять, осуществлять в ходе самих дискуссий. Реконструкции текстов, «мертвых» дискуссий и монологов считать второстепенным, вспомогательным.

Во-вторых, эти дискуссии должны быть явно разделены на слои «практический», воплощение изучаемой формы или содержания мышления и «рефлексивный», реконструирующий, критикующий, проектирующий то, что происходит в практическом слое.

Именно такая сложная организация дискуссий, семинаров позволяла накапливать опыт введения и коррекции методов практикуемого мышления. Она и стала исходной основой существования «методологических семинаров», наиболее рьяным сторонником и мастером процессов в которых был Г.П. Щедровицкий.

Тем самым, вместо образцов мышления в текстах в таких семинарах повторялись образцы прошлого и созидались образцы нового мышления. Сама новизна зависела от результатов рефлексивного слоя мышления. Для «новичка» в методологических семинарах процесс казался странным.

Начинается доклад того, кто демонстрирует в докладе тот или иной, прежний, новый тип мышления. Чаще всего это были доклады тех, кто по фиксированной теме имел мнение, соответственное с мнением предшественников или совершенно «оригинальное» мнение. Поскольку совмещение «практического» и «рефлексивного» слоев было неизбежным, то докладчик успевал сообщить немного, а остальные участники уже приступали к реконструкции, а чаще и без особых реконструкций и понимания как бы сразу шли к критике, «проблематизации».

Опытный докладчик знал об этом заранее, был готов к критике и старался выстоять под градом критических вопросов и комментариев. А новичок быстро терял выдержку, недоумевал, возмущался такой отвлекаемостью от его мысли. В той или иной степени в конце доклада, который мог длиться месяцами при еженедельных семинарах протяженностью 2,5–3 часа, вводились и проектные соображения.

Следует отметить, что протяженные циклы докладов с сопровождающей рефлексией дополнялись охватывающей, особой рефлексией. Она носила характер фундаментализированной рефлексии с достаточно тщательной и сложной привязкой к тем явным и неявным дискуссиям, которые шли в науке, философии, семиотике, логике, культурологии и т.п. Рефлексивные осознания сами могли быть рефлектируемыми. Создавалось сложное рефлексивное пространство на «натуральной территории» в НИИ, в ВУЗе, во Дворце культуры, в Доме отдыха, на дому и т.п.

Подобное созидание рефлексивного пространства с первичными слоями «практики» мышления, совмещаемые с собственно деятельностной практикой, откуда приходили участники семинаров, было уникальным явлением. Появлялась необходимая предпосылка понимания мира мышления «изнутри», разглядывания его с различных сторон, соединения разносторонних взглядов.

Сам объем участия в семинарах, проявляемая терпеливость, активность, порождаемые отношения зависимости друг от друга, от работ и сознания партнеров, ответственность за совершаемые мыслекоммуникативные, рефлексивные и т.п. действия – являлись удивительными, уникальными. Проходящий этот полигон мысли явно совершенствовал свой механизм, сознания, самосознания, самокоррекции, самоопределения, саморазвития и т.п. Тем более что все затраты оставались добровольными и часто несоотнесенными с работой в НИИ, на кафедрах, конструкторским бюро, на управленческой должности и т.п. Можно было это назвать коллективным сознанием, мышлением, коллективным самовыражением, а может быть и коллективным замещением нетворческой, неинновационной жизни на законных рабочих местах.

Возникал вопрос о том, как подобная утомительная и вдохновляющая работа мысли была связана с вечными проблемами? Что это давало для приближения к «Истине»?

Устоялась, благодаря возникшим в естественном отборе соратникам и студентам (Б.В. Сазонову, О.И. Генисаретскому, В.М. Розину, Н.Г. Алексееву, А.Г. Раппопорту, В.Я. Дубровскому, В.А. Лефевру и др.) сама реальность потока мысли. Соотнесение с тем, что происходило в науке, философии, логике, языкознании и т.п. позволяло войти в проблемные поля и предлагать пути развития.

Сложившаяся форма существования рефлексии, проблематизации, дискутирования, инноватики в научных учреждениях, в иных организациях оставались подчиненными значимости содержания, продуктов мысли и гораздо реже – процесса созидания новых идей и содержаний. Наряду с организационным бытием в жестких рамках идеологической системы все это не вписывалось в ожидания методологического кружка.

Само участие в открытых полемиках на конференциях приносило интригу контраста между заранее подготовленным, проверенным на допустимость «свыше» и легко возникающей, непредсказуемой по содержанию мысли, совершенно необычной системой различений, ориентиров, подходов, азартом дискутирования, прямого мыслительного столкновения.

Естественно, что «традиционные» мыслители воспринимали «налеты» методологов как досадную или еще хуже помеху, и только наиболее пронизательные и гибкие видели в этом перспективу. Они способствовали энтузиазму методологов, часто не заботясь о последствиях.

Иначе говоря, традиционное мыслительное сообщество воспринимало действия методологов как наивный или вредный эксперимент. Все жили в досократовскую, докантовскую, догегелевскую эпоху предкультуры мышления, а методологи настойчиво и резко, часто ниспровергательно показывали преддверье мыслительной культуры. Постоянно пребывая в рефлексивном слое, методологи строили стратегии переворотов в мире мысли, в науке, логике, семиотике, педагогике, дизайне и т.п.

Кроме пребывания в рефлексивном самообслуживании и выходов во «внешние» рефлексии, методологи понимали, что без надежной педагогической, понятийно-критериальной базы едва ли можно придать надежность самой рефлексивной практике. Поэтому возникали акценты, особые разработки ориентиров и опор, обобщенных оснований самого рефлексирования. Появлялась как бы многопредметная собственная теоретико-инструментальная критериаль-

ная база. Она во многом соотносилась с теориями в соответствующих областях. Но ведущей была линия разработок теории деятельности и мышления.

Можно было бы ожидать, что эти теории должны гораздо быстрее проходить путь совершенствования и «обгонять» традиционную науку и философию. Действительно, многие положения выглядели лучше, яснее, надежнее, фундаментальнее и т.п. На этой почве возникали жесткие дискуссии с ведущими теоретиками соответствующих областей знания. Также весьма напряженными были заочные и очные споры с психологами, которые считали себя знатоками сущности деятельности и мышления, рефлексии и самоосознания и т.п.

Но если столь глубоко и широко шли в своих поисках и самокритикующей работе методологи, внося во все области интеллектуальной практики акцент на механизмы и формы проявлений механизма, в отличие от результатов и просто процессов мышления, рефлексии, мыслекommunikации, то – как удерживались высоты, достигнутые в немецкой классической философии?

Само по себе подобное построение, реконструирование, проблематизация, депроблематизация деятельности и мышления еще скрывают всеобщие основания, вносят эмпирическую базу рефлексирования и механизмического осуществления и как бы отстраняются от вечных тем. Очень легко сопровождающие схематизации опыта принять за сущностные и вносить подобную иллюзорность в сознание своего величия. Методологическое сообщество не прошло мимо этой опасности.

Так при оценке методологической значимости тех же мыслителей предпочтение отдавалось Канту и Фихте, ожесточенно относясь к Гегелю. Поскольку Кант и Фихте ввели лишь предпосылки того взлета, которое было достигнуто Гегелем, то этим внеслась и внутри методологии предпосылочность к взлету самой методологии. Это касалось всех форм работы. Прежде всего, критики и проблематизации. Сложилась образцы критики, которые пронизывались в той или иной степени, но всегда с преобладанием формализма в критике.

Если рассмотреть критику в дискутировании, то совершенно ясно даже из обыденной рефлексии, что нельзя критиковать, не убедившись в понимании сказанного автором. Нельзя сказать, что понимание игнорировалось полностью. Обязательным ритуалом стали вопросы на понимание. Но сама техника понимания оставалась в зачаточном состоянии и совершенствовалась в неизмеримо меньшем объеме и тщательности. Стремление быстрее перейти к «проблематизации», придать ей сверхмощный характер приводило к отрыву от исходной содержательности, к внесению более привычного «своего» содержания или основания, к «зависанию» критики вне корректного выхода в депроблематизацию, в проектирование более совершенного действия.

Когда автор просил дать более совершенную альтернативу, то ее предлагаемая версия чаще всего не выращивалась из предшествующей версии. Происходило как бы отсечение корневой основы и внесение иной. Именно эти процедуры Гегель связывал с уничтожительной характеристикой рассудка – «резонанство».

Несовмещение понимания и критики, задач и проблем, проектирования и проблематизации, реконструкции, прогнозирования, тактики и стратегии, эмпирической схематизации и онтологизации и т.п. оставались характерными особенностями методологического производства. Конечно, были более или менее явные несоответствия, были и мастера в каком-либо слое

работы. Но не возникали мастера в единстве всех слоев и акцентов мышления. В то же время, сами основания перехода от подобной «техники» рассудка к «технике» разума и, тем более, духа, где все моменты совмещаются в гармонизованности, легко усмотреть у Гегеля.

Рассудочная техника мышления опирается на недостаточное развитие не только интеллекта, но и мотивационных, самоотношенческих механизмов. Легко можно было видеть несовмещение корректности в бытовых отношениях и некорректности в мыслительном деле, либо формализм в деловых отношениях. Это особенно ярко проявлялось тогда, когда обсуждаемый вопрос был сложным, понимаемым по различающимся основаниям, когда недоразумение имело немалую историю.

Рассудочность, как это показал Гегель, всегда имеет в качестве своего основания временное, не принимающее вид всеобщего. Когда в методологических дискуссиях вопрос стоял об арбитраже, о неоспоримых основаниях сравнимости и оценке имеющихся и конкурирующих версий, то совершенно типичным было предъявление арбитражной гипотезы, конечным основанием которой выступало мнение вошедшего в арбитраж, особенно если он имел высокий статус старожилы, знатока стандартов и т.п.

Хотя построение более нейтрального к персоне арбитражного средства чаще всего становилось крупным затруднением в силу совмещения многих организационно-мыслительных требований, но легковесное отношение к любым «всеобщим основаниям», чему-то категоричному вне связи с персоной мешало разрабатывать предельные критерии. Даже в тот период, который считается «классическим», семинарским отрицательное отношение к всеобщим, индивидуальным основаниям, переход из конкретно-исторических «максим» во внеисторические, абсолютного типа основания подвергался осмеянию.

Это была самозащита рассудка в столкновениях с разумом и духом «как таковым». После начала игрового периода (с 1979 г.) отношение к «абсолютному» еще более ухудшилось. Появился восторг и предпочтение прагматизированности форм и средств мышления, созвучным с гибкостью творчества в игромодельных условиях.

На первый взгляд кажется очевидным, что любые мнения преходящи, имеют всего лишь исторически конкретный запас прочности, устойчивости от критики. Но разве зря Сократ так настаивал на том, что есть «добро» вообще и, не зная его, нельзя мерить доброту в реальности; разве случайно Платон говорил об идеях, вечных и неизменных, а многие греки об умопостигаемом, несозерцаемом как причине всего; разве рядоположенно рассуждал Кант о «чистом разуме», свободном от помех в познании истины, а Гегель показывал путь, механизм появления этого «абсолютного духа»?

Можно все эти и иные результаты проникновенного самопознания принять за спекулятивные конструкции и вновь обращаться к наблюдаемому, где нет и не может быть созерцаемой сути вещей.

Маркс правильно замечал, что, если бы суть была созерцаемой, наука была бы не нужна. Не нужны были бы все трудные процедуры теоретического полагания идеальных объектов. Гегель настолько тщательно раскрыл путь к умопостигаемому, умопостижению, что после этого возвращаться вновь к промежуточным высотам рассудка означает неуважение к усилиям гиган-

тов мысли. Для тех, кто не способен идти к уровню чистого разума, не нужны и доказательства его возможности и существования.

Методология, которая не смогла присвоить достигнутое Гегелем, сама должна проходить путь для иного уровня своего развития, ибо методы, создаваемые в ней будут испытывать снижающее влияние менее развитых систем воззрений.

В XX веке особую значимость приобрело «системное» движение, а часто оно трактовалось как «системно-структурное» и даже «структурное» движение, с соответствующей техникой анализа объектов. После блестящих прототипов в истории мысли, например, Прокла, в начале XX века вознесся А.А. Богданов в тектологическом учении. Затем многие канонизаторы такого подхода, например, Л. фон Берталанфи, снизили уровень анализа до собственно структурного.

В методологии системный подход вновь стал обретать черты сущностно значимого, так как наряду с морфологией и материалом стали раскрывать функциональные структуры. Однако понимание функций остановилось на полдороге, так как содержательность функции, предназначения сродни платоновским идеям, вечным и неизменным хранителям сущности.

Функциональный анализ предполагает, что нужно опираться на предельные основания, высшие абстракции. Вместо функций опять порождались исторически определенные формы для материала, морфологии и т.п. Платон дал реальную основу функционального анализа, а Аристотель снизил уровень, хотя и сохранил принцип универсального закона зависимости между материей и формой. Он, как и методологи в XX в. «стеснялся» всеобщего, сущностного основания каждого «нечто», его предназначения в универсуме. Тем более что если форма еще может быть замечена и осознана квазиэмпирически, то функция, идея, познаваема лишь мыслительно.

Требуется «чистое мышление», «чистый разум». Боязнь предельных абстракций, дающих однозначные основания при сохранении их объектной содержательности, остановила сообщество методологов в познании собственно системного типа анализа, опирающегося на функциональные характеристики объектов. Неслучайно, что огромные наработки методологов не приобрели нужной неслучайности. Все схемы-средства оставались полуэмпирическими, а язык включал их в свою парадигму, которая имела большой запас дальнейшего движения к подлинно мыслительно устойчивым вариантам, надежным в наиболее ответственной аналитике.

Получалась невольная аналогия с марксизмом. Показав путь к освобождению рабочего класса и всего общества от эксплуататоров, введя раскрытие механизма эксплуатации, воодушевив всех, желающих экономической свободы и политического служения трудящимся, он перестал анализировать свои основания, не находил в себе дефектов, не раскрывал места мышления в его подлинности, в его независимости от временных лидеров, канонизировался, превратился в церковь с собственными политическими интересами вместо служения истине. Став таким, он был готов бороться не только со своими врагами вовне, но и внутри, со всеми, кто не умещался в канонизированное ядро оснований.

Мысль, мыслящий дух был утерян. Когда мы пришли в «московский методологический кружок» (ММК), то нашей установкой было освоение действительно сверхперспективной, изощренной рефлексивно-мыслительной культуры, которую не было с чем сравнить по мощности.

В 1971 году мы уже чувственно ощущали сверхмощность содержаний, метода, системы Гегеля и предчувствовали, что соединение с методологической техникой мысли может творить чудеса. По мере вхождения в мыслетехническое и рефлексивное пространство мы подтверждали первые гипотезы в мире форм мысли, а реконструкция взглядов Гегеля укрепляла прозрение о сверхмощности этой системы. Но мы не сразу ощутили игнорирование и поверхностное понимание Гегеля в ММК и далеко не сразу обрели мощь соразмерного установления «справедливости» и внесения потенциала содержаний Гегеля во внутрь машины мысли ММК.

К середине 70-х гг. мы стали делать попытки ознакомить сообщество, как со своим видением Гегеля, так и с результатами оформления особого метода работы с текстами, сложившегося у нас с конца 60-х гг. И при самых первых соприкосновениях с лидером ММК оказалось, что мастерство лидера обратилось не на понимание, а на истолкование наших усилий в готовые рамки искривленного взгляда на метод и систему Гегеля. Мы стали приобретать негативную славу «заблудшего», а с конца 70-х гг. – славу последнего любителя понятий и категорий, а также системы, метода Гегеля. Тем самым мы были помещены в ампулу хранителя отживших форм и средств мышления.

Следует подчеркнуть, что сам метод работы с текстом (МРТ) предполагал особую операционную «машину» реконструкции мысли автора и выявления перспектив ее совершенствования и развития. Эта «машина» была открыта для овладения ею всеми желающими приобрести способность саморазвиваться в своем интеллекте и качестве мышления, проходить путь от персонифицированных самовыражений к чистому мышлению, к способности ставить и решать задачи и проблемы любого уровня сложности.

Любой мог попытаться опровергнуть полученный результат за счет критики всего механизма мышления. Но такая попытка означала вхождение в быстро усложняющийся процесс, осознания ценностей истины и служения ей. МРТ имел в своей основе техники конспектирования, построения схематических изображений, их объектной интерпретации, возможности заимствования «позиции» самого объекта мысли, а затем технику соотнесения схем и текстов в рамках логических идей «дополнительности» и «уточняемости». Переход к реализации второй идеи, следование схемам этой логики и соответствовало «методу Гегеля».

К середине 70-х гг. мы построили образ движения мысли и переходов от одного мыслительного инструмента к другому по требованиям Гегеля. Еще раз подчеркнем, что все утверждения в МРТ о результатах его применения можно было оспаривать. Но демократизм мысли совмещался с возможностью однозначного выражения мысли, что облегчало проверку и критику. Мы не остановились на полпути и шли до предельных оснований. Тем более что именно метод Гегеля нам позволял это достигать как потенциально, так и актуально.

Наша техника оказалась неподъемной для сочувствующей части ММК, а лидеры не желали идти в путь более сложный, чем тот, к которому они привыкли. В 1978 г. мы решились начать обучение этим новым сложным процедурам начинающих методологов.

К этому времени мы считали, что центр мирового мыслительного движения явно передвинулся в СССР, большую Россию. Оставалось лишь корректно сохранять наследие предшественников и быстро учиться всему неслучайному, что требовалось для реализации миссии методологии.

Но для этого необходимо как можно более точно функционально самоопределиться. Сложилась традиция эмпирического самоопределения. Оно отражает практику рефлексирования, проблематизации и некоторой проектной коррекции больших систем, управления ими, а также индивидуальной проблематизации в методологической деятельности, особенно в условиях игромоделирования. Но в таком обращении теряется функциональная характеристика методологии.

Нельзя сказать, что не было попыток всеобщего самоопределения и указания, в том числе, на роль методологии в создании единого мыслительного пространства, мира мышления. Однако такие утверждения не были согласованы с конкретными единицами опыта методологической работы, а сам опыт рассыпался по многочисленным линиям процедур.

Функциональный анализ и портрет типа деятельности строится с использованием техники псевдогенетических реконструкций, построения образов систем деятельности, применением высших теоретико-деятельностных и теоретико-мыслительных абстракций. Подобная работа была характерна в 60–70 гг., но в 80–90 гг. ее точность, определенность, однозначность стала теряться. Влияла игропрактика, которая создавала уникальные ситуации, трудные для теоретического освоения.

Придерживаясь ценности строгости мысли, определенности, однозначности и т.п., мы имели иной, функциональный подход. Нужно было разделить саму рефлексивность, процедуры постановки проблем и депроблематизации, которые, в той или иной степени могут проводить подготовленные, опытные аналитики и игромодельеры и собственно методологическую работу.

Чтобы придать строгость функциональному анализу мы использовали метасредства. В частности мы различаем бытие «нечто» «в-себе», «для-иного», «для-себя» и «для-в-себе». И методология имеет эти слои характеристик. На фоне рефлексивной практики, как мы это утверждали, методология обеспечивает критериальными средствами рефлексивные процедуры. Тем самым, в роли средств критериального типа выступают онтологии мира деятельности и мышления, понятия и категории, вытекающие из онтологических схем в специальных процедурах парадигматизации, выявлении «словарных» комплексов.

Мир деятельности предстает как более конкретный, чем мир сущностей вообще, рассматриваемых в философии, но в той степени абстрактности, которая предполагает любые исторически значимые конкретизации. Именно на этом уровне и фиксируется функция методологии, как мы ее сформулировали.

Эта характеристика построения универсумальных критериев организации рефлексии и, следовательно, языкоконструирования в семантическом, содержательном слое, предстает в качестве бытия «в-себе». Поэтому методологи обязаны дискутировать проблематизируя, на любом опыте, имеющуюся парадигму методологии, ее интегральную часть и все предметные дифференцировки.

Другое дело бытие методологии «для-иного», когда она обслуживает развитие, совершенствование, реконструкции, прогнозирование больших и малых систем по их заказу. Но простое обслуживание ведет к утере собственных интересов и деградации самой методологии. Это наблюдалось и наблюдается достаточно часто. Поэтому коррекция применения парадигмы, в том

числе в слоях технологии, методики, метода, подхода и т.п., в рамках учета особенностей бытия методологии «в-себе» появляется бытие «для-себя». Самая сложная форма бытия методологии – ее саморазвитие, бытие – «для-в-себе», включающая собственную проблематизацию и депроблематизацию, прогнозирование и проектирование.

Любимая процедура проблематизации чаще всего осуществляется с оттенком эмпирических соотношений материала с выделившимися схемами-средствами в той или иной внутри методологической предметной плоскости. Более того, чистая мысль очень часто совмещается с формально образным оперированием схемами. Как бы ни усложнялась эта процедура, ее качество предопределяется характером оперирования схемами. Но мы считали еще с середины 70-х гг., что схема в ее содержательности и составе зависит от выражаемого ею уровня абстрактности и способа развертывания ее содержательности. Если реализовывать привычный всем принцип «дополнительности», то нельзя контролировать уровень абстрактности содержания и строгость развертывания содержания.

Именно следование принципу уточнения, требованиям «метода Гегеля» гарантирует как организованное повышение уровня абстрактности, так и строгость развертывания содержания, прохождение микроциклов развития, диалектических смещений и т.п. Иначе говоря, борьба с понятийностью, категориальностью, высшей абстрактностью, методом Гегеля и т.п. не позволяло ввести такую степень четкости, жесткости, однозначности, сущностности содержания в средстве проблематизации, а затем и депроблематизации, которые ожидаются от этих процедур. Вот уж действительно «ахиллесова пята» методологии в версии ММК! Следует учесть законы развития.

С точки зрения системного подхода развитие начинается с фиксации того, что не имело новую функцию и ей соответствующих форм. Это называется еще стадией «естественного самовыражения».

Методологи сначала суть те специалисты, которые не ставили методологических целей, задач, проблем, но обладают рефлексивным потенциалом и даже не замечают, когда его применяют.

В то же время такого человека вовлекают в методологические процедуры, предлагают реализовывать ему непонятные требования. Интуиция, прозорливость или даже случайность может удержать в процедуре до конца.

Так и происходит в игромоделировании.

На другом уровне появляются, вместе с ростом опыта и рефлексией опыта, формы процедур, которые начинающий методолог пытается реализовывать. Так возникает «естественно-искусственная» фаза и состояние развитости. Самовыражение заменяется различными ограничениями и побуждениями, но ведущим внутренним условием предстает индивидуальная уверенность в правильности формы.

Следующий шаг связан с усвоением и присвоением критериев формообразования. В критериях содержится потенциал на индивидуальных опор, что меняет внутреннюю мотивацию и характер интеллектуальных процессов и способностей. Но критерии еще достаточно стихийно и случайно выделяются и насыщаются содержательностью. Этот этап и является наиболее типичным для методологического сообщества.

Более высоким уровнем развитости является тот, который предполагает систематическую проверку критериальной базы и отход от персонификации содержаний. Это промежуточное состояние, когда высокие требования опираются на парадигму критериев, прошедшую разностороннюю критику по формам критики. Наиболее высоким уровнем является тот, когда все самокритические и критические процедуры, а также и ответственные процедуры осуществляются с применением первооснований, построенных с соблюдением требований псевдогенеза, логики систематического уточнения. Теперь все предопределяется не случайностями субъективных состояний, а возможностями первооснований в проектировании конкретных форм и совершенствованием первооснований.

Возникает вопрос о том, «кого» именно следует обслуживать методологии?

Долгое время очевидной была версия обслуживания науки. Затем реестр расширился и охватывает все виды усложненной интеллектуальной, рефлексивно насыщенной практики. Мы считаем, что в наибольшей степени методология нужна стратегическому мышлению в управлении и аналитике. Еще более высокая необходимость связана с учетом цивилизационной динамики и управления цивилизацией. Соответствующая необходимость подготовки управленцев и соучастников управления отсюда возникает.

6

Место методологии в цивилизационной динамике

Какие бы ни были индивидуальные усилия и полученные результаты необходимо их помещение в «объективную» логику мирового процесса и осуществление деперсонификации. Только тогда результаты могут считаться видимыми и, если получится, встроенными в мировой процесс. Если же выяснится, что полученные результаты встраиваются адекватно сущностной основе мирового процесса, то они превращаются в положительный фактор самого мирового процесса и достойны внимания всех, кто настроен на положительное, включенное проживание своего пути в мировом процессе.

Первый вопрос, который возникает для реконструктора, прогнозиста и проектировщика, это вопрос о том, что такое «мировой процесс». И лишь затем – вопрос о той части этого процесса, к которой принадлежит анализируемый участник (индивидуальный или коллективный), о его месте в «целом». И лишь еще позже – вопрос о том, как именно проживал, творил, что сотворил анализируемый участник. *Ответ на первый вопрос:* мировой процесс – это процесс бытия «универсума». В связи с соразмерностью участника и мирового процесса вносится поправленная версия ответа, локализирующая материал анализа: мировой процесс – это процесс бытия многообразия «обществ» на Земле. Предполагается тот или иной, в зависимости от результатов реконструкции истории – объем времени такого процесса (десятки, сотни тысяч, миллионы лет и т.п.), начиная от появления людей на Земле. Однако для организации реконструктивного, прогностического и т.п. анализов нужно представление о «единице» объекта *рассмотрения*. Если учитывать «законы» мирового бытия в рамках развитых мировоззренческих систем, соответствующих онтологий, сущностных представлений о «бытии», то бытие, слежение за ним, возможно лишь тогда, когда оно обладает свойствами «нечто», совмещает в себе «форму» и «материю», и «идею», и «уподобление идее». Поэтому *мировой процесс* нужно представить как полисистемное *осуществление требований* формы, «идеи» целого.

В качестве *единицы «нечто»* предстанет бытие системы, включенное в единое, «целое».

Следовательно, требуется ответ на вопрос о том, что за система должна подвергаться анализу.

Ответом на такой вопрос выступает утверждение: системой является «цивилизация».

В таком понимании появляется проблема реконструктивного, «исторического анализа. Она состоит в том, что *исторические реконструкции по своему методу*, остаются либо эмпирически событийными, либо вносящими указания на путь неких целостностей, не имеющих глубокое обоснование как единиц объекта изучения. В частности, если говорится об истории стран,

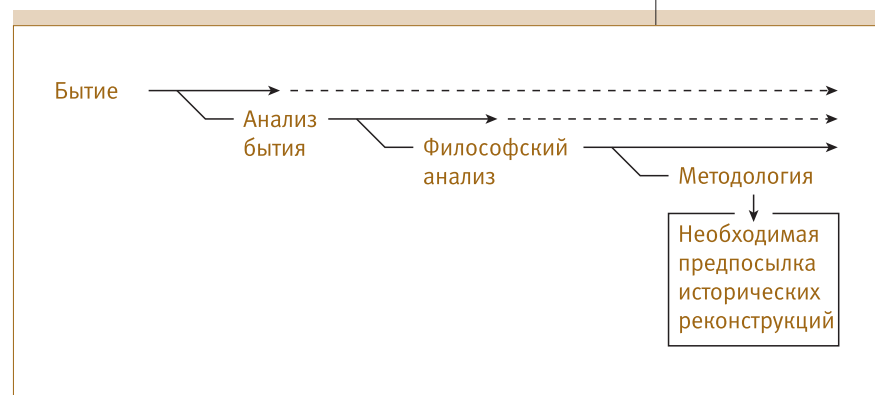

СХЕМА 1

царств, империй, республик и т.п., то теоретическое и «метафизическое» обоснование их, как соответствующих требованиям «нечто» в универсуме, не проводится или осуществляется крайне поверхностно. Но вне подобных обоснований реконструктор вынужден быть заложником массы сведений о прошлом, не понимая «законов» динамики бытия того, что обладает своей историей. Методологическая немощность не позволяет истории становиться «наукой». Поэтому необходимой предпосылкой организованных реконструкций, а затем прогнозов, стратегических проектов и т.п., является порождение методологии, что и произошло в середине XX века (см. сх. 1).

Философия создала предпосылки для появления методологии, а также ряд версий сущности «обществ», одной из которых была версия Маркса («исторический материализм»). Однако версии оставались не достаточно определенными из-за упрощенных представлений, не опирающихся или слабо опирающихся на универсальные законы бытия. Для того чтобы

прийти к решению проблемы, необходимо было и оформить онтологические версии, и метод их конкретизации, и освоить метод мышления, характерный для конкретизации, а также мыслительную «технику» применения метода в различных рефлексивных функциях.

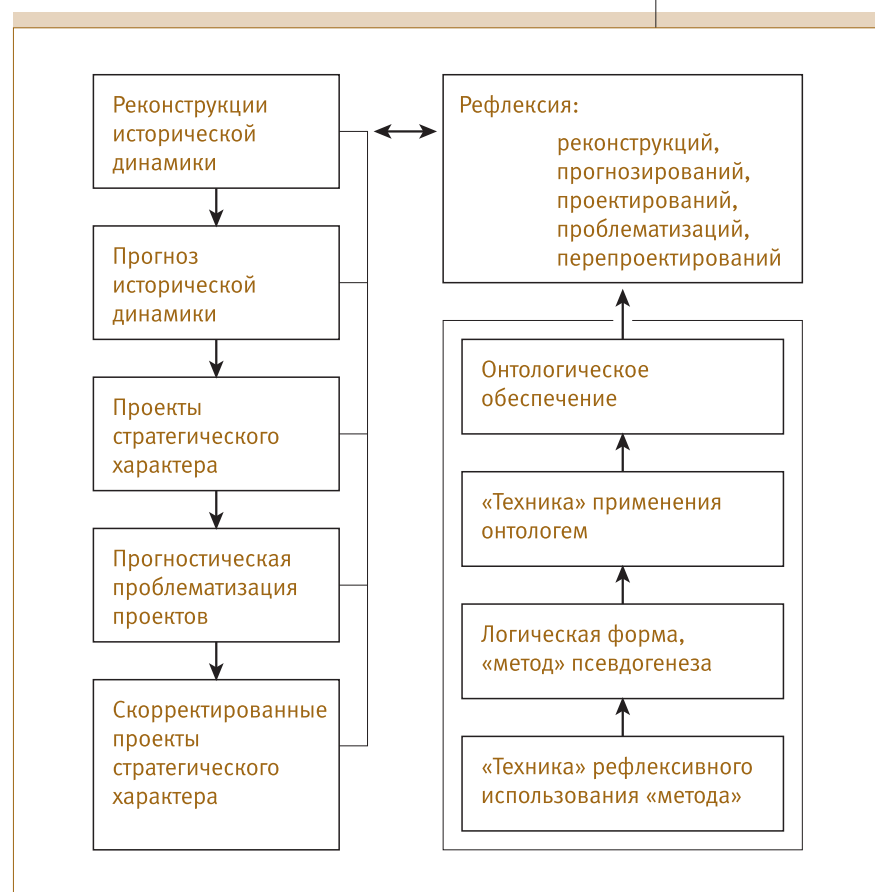

СХЕМА 2

Тем самым, для решения магистральных задач и проблем, касающихся исторической динамики, предполагает самое разнообразное сервисное обслуживание, прежде всего культурно-мыслительного и культурно-рефлексивного типов (см. сх. 2).

Необходимость перехода от эмпиризма в исторических реконструкциях и произвола субъективных схематизаций эмпирического материала, формализма в сложившихся в социологии, политологии, культурологи и т.п. теоретических конструкций и понятийных парадигм – к рефлексивно осмысленному осуществлению реконструкций была понята и оформлена Гегелем в контексте разрешения проблем придания философскому мышлению и познанию предельной неслучайности. Гегель создал свою и «систему», и «метод», взаимодополняющие и обосновывающие друг друга, завершив огромную историю прихода к философскому самосознанию и самообновлению. После Гегеля уровень философского самосознания и самоорганизации снизился, и пониманию исторического процесса возвратилось в лоно той или иной степени эмпиричности.

Если у Гегеля уже непременным условием подобных разработок выступает введение «сущностного основания», сущности истории и сущности того, что проходит свой исторический путь, а в иных словах – применение онтологом, то последующие реконструкторы вновь отошли от данного условия работы.

Мы считаем, что это связано и с невосприимчивостью к «технике» мышления, к рефлексивной самоорганизации, к осознанности и функциональной ответственности в реконструктивной, прогностической, проблематизационной и депроблематизационной мыслительной работе. Тем более что еще Кант, Фихте показали сложность, хлопотливость совершенствования мыш-

ления, сознания, самосознания, самоопределения при переходе от дофилософского к философскому мышлению. Подобная проблема была поставлена и отмечена еще Сократом.

Возврат к этим проблемам возник в связи с возобновлением попыток понять «метод Маркса», реализованный в «Капитале», прежде всего, Э.В. Ильенковым и А.А. Зиновьевым в начале и в середине 50-х гг. XX века. Если первый акцентировал внимание на содержательной диалектике, то второй – на формном моменте, собственно логических основаниях, системах операций.

На этом фоне выделился кружок мыслителей под лидерским энтузиазмом Г.П. Щедровицкого, который логические проблемы обсуждал с массивным рефлексивным самообеспечением. Именно рефлексия, стимулированная и работами В. Лефевра, придала конструктивности, смысло-активности организованный и неформалистический характер.

В рамках рефлексии выделилась акцентировка на основаниях и арбитражности в мыслекommunikации, в дискуссиях, что и предопределило *перспективу* онтологического и критериального вообще *самообеспечения* в базисном и рефлексивном процессе. Тем самым, с конца 50-х гг. и в начале 60-х гг. появилась методологическая парадигма и подход, формное и средственное самообеспечение в мыслительных процедурах. Без этого нельзя было бы «вернуться» к Гегелю. Появился мыслетехнический и рефлексивно-мыслительный, а затем и рефлексивно-мыследеятельностный опыт кружка – ММК (Московского методологического кружка).

Однако ММК «возвратился» не полностью и не усилил то, что сделано было Гегелем современной мыслетехникой. Для того чтобы «возвратиться» полностью и полномасштабно использовать наследие Гегеля, а вместе с тем и всего онтологически значимого наследия мировой мысли, например, «Книги Перемен» и т.п., следовало совместить рефлексивно-мыслительную парадигму с собственно онтологической парадигмой и этим использовать возможности системного подхода на его высшей стадии – «метасистемного» подхода.

В ММК ограничились «возвратом» в аристотелевскую технику системного анализа, имеющую огромную рефлексивно-деятельностную обеспеченность и доказательность. Возможности более фундаментального подхода, идущего от Платона предполагали владение мыслителями высшими абстракциями, а «идеи идей» Платона предполагали владение высшими основаниями абстракций. Фактически вне этого нельзя было приблизиться и к учению Гегеля об «идеях», о «духе». В ММК ведущим остался «прагматизм» (см. сх. 3).

Хотя в ММК вернулись к «диалектике» и «методу Маркса», оформив «псевдогенетический» метод, но его содержание не привело к достаточной гармонизации формной (мыслетехнической) и содержательной (онтологической) акцентировок. Конструктивный произвол и прагматичность, зависимость от текущих ситуаций, оставались ведущими, хотя и рефлектируемыми. А Гегель боролся именно с субъективным произволом в мышлении и показывал в учении о духе путь к преодолению произвола.

Все это отразилось не только в обсуждении фундаментальных проблем науки, логики, семиотики, культурологии, педагогики, управления и т.п., но и в тех игромодельных взаимодействиях

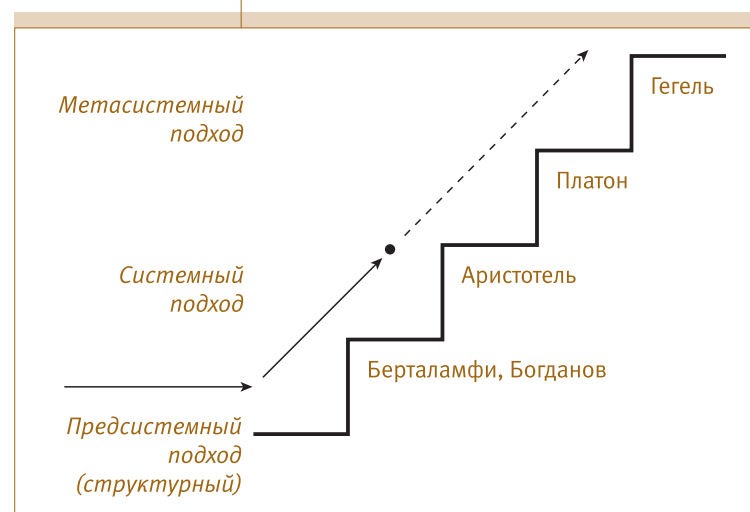

СХЕМА 3

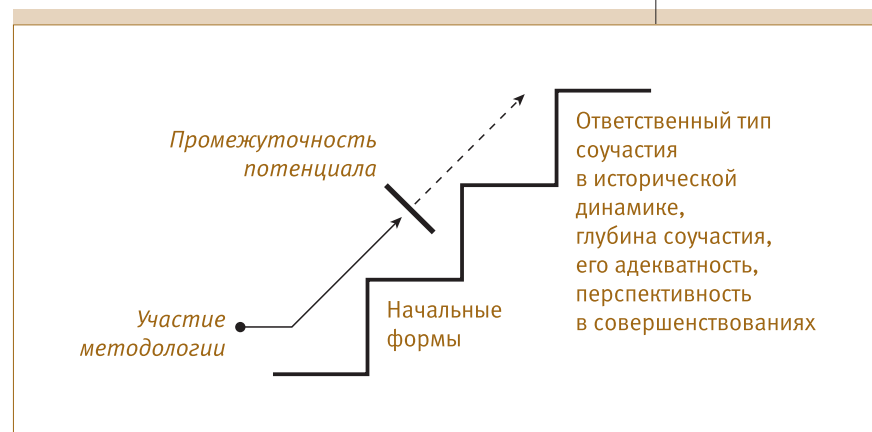

СХЕМА 4

ях, которые входили в зону стратегической аналитики и разработки решений, влияющих на динамику макросистем.

Фактически это означало особое, методологическое соучастие в исторической динамике, а также в рефлексивной самоорганизации как представителей деятельностных или социокультурных позиций, так и самих методологов в их игротехнической, метаигротехнической и служебных к ним позиций в механизме игры. Степень глубины постановки и решения проблем, исторической адекватности, вписанности в динамику, перспективу «совершенствования», исторического бытия макросистем – все зависело от совокупной «техники» моделирования и «машины» моделирования (см. сх. 4).

В своих поисках нам посчастливилось почувствовать особую роль Гегеля на фоне других великих мыслителей. Устремляясь к «высшему» в 1968 г., которое нашло свое оформление в рамках научно направления «акмеология» (в конце 1993 – начале 1994 гг.). От первого чувства (в 1967 г.) до первых целенаправленных реконструкций системы, а затем метода Гегеля (в 1970–1973 гг.) мы шли вне методологического подхода. Сложившаяся в 60-е гг. схематехника в работе с текстами усилилась за счет оперирования схематическими изображениями и схематическим выражением «метода Гегеля». В 1975 г. сложился особый метод работы с текстами («МРТ»), наиболее значимая и перспективная компонента которой и заключалась в применении логической схемы «метода Гегеля».

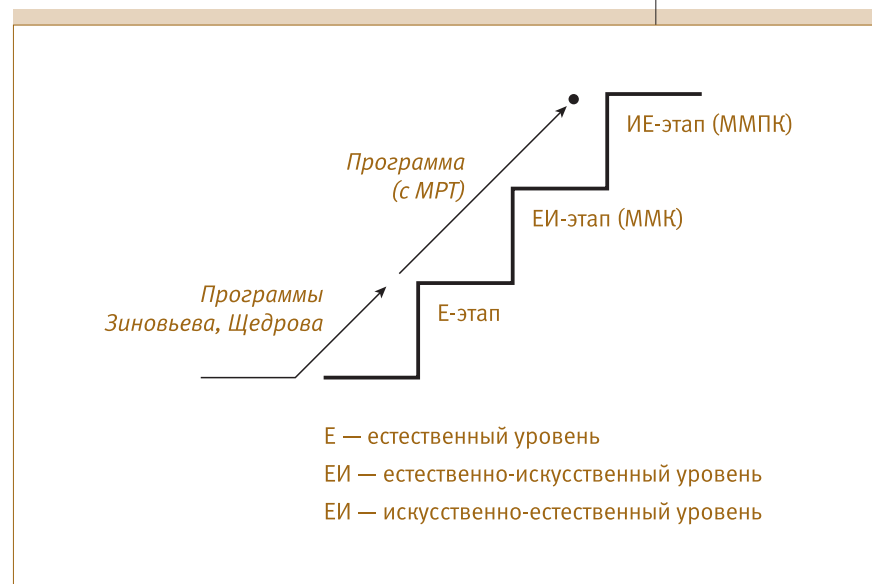

СХЕМА 5

С этого времени начался отсчет методологизированной мыслетехники с потенциальным применением «логики систематического уточнения» (ЛСУ). Все предпосылки прорыва в следующий уровень развитости методологии возникли, а в 1978 г. мы создали свою версию пути методологии и «Московский методолого-педагогический кружок» – ММПК (см. сх. 5).

Сочетание семиотической схематехники, логической схематехники, онтологической схематехники порождало высокий потенциал непрерывного совершенствования во всех типах процедур, включая мыслекommunikацию в семинарах, взаимодействие в игромоделировании, в стратегической аналитике и т.п., а также в непрерывном массиве учебно-педагогических, развивающих воздействий. Для учебной функции мы осуществили в 1979 и 1999 гг. парадигматизации средств методологического мышления, создали «Азбуку», а затем (в 2001 г.) и «Словарь». Парадигматизация и онтологизация в рамках «Словаря» осуществлялась с применением указанной мыслетехники, включающей логику ЛСУ.

«Технический» период, обращенный главным образом на формы мышления методолога в любых «проблемных ситуациях», совмещался с акцентом на содержательность мысли и ее онтологичность. Но особый акцент на онтологии как средства высших типов мышления возник в первой половине 80-х гг., а в 1996 г. оформился системой онтологических, философских по содержанию, схем. Они привели к высшей форме аналитики, акцентирующей внимание на системном анализе всего, имеющего характер «нечто», включая универсум. Такая линия завершилась созданием «метасистемной» аналитики (в 2007 г.), выразившей результаты Платона, Гегеля и др. (см. сх. 6).

При подготовке к дискуссиям с Г.П. Щедровицким по ключевым темам, как одним из следствий его самоопределения относительно к нашей линии разработок и появления «Азбуки», расширения масштабов методологического влияния (в 1982 г.), мы выделили акцент на механизмах и функциях рефлексии.

Функциональная структура рефлексии существенно была усложнена вместе с началом обучения управленцев (1988–1991 гг.), что позволило более точно сформулировать функцию методологии.

С другой стороны, это оформило представление о цикле процессов в управленческом мышлении, основные черты которого были введены в 1981–1982 гг. Особую роль в нем играло построение абстрактных «пространств деятельности», корпоративных структур, опираясь на возможности ЛСУ. Когда решение и постановка управленческих задач соотносилась с этим уровнем видения деятельностных систем, а затем, когда мы приступили к разработкам культуры принятия управленческих решений (в 2001 г.), мы быстро осознали, что необходимо выделить принятие стратегических решений, соразмерных нашим мыслетехническим требованиям. Началась разработка сущности, типологии, стратегий с 1999 г. и механизмов принятия стратегических решений, соответствующих моделей (см. сх. 7).

Осуществляя игровое моделирование процессов принятия стратегических («президентских») решений (с 2001 г.), интеллектуального, нравственного и духовного обеспечений этих процедур мы столкнулись с сюжетами, в которых особую роль играли жрецы, волхвы. Это были сюжеты из истории, в том числе из истории Шумер, Египта, Индии, Китая, Греции, Рима и т.п. Сюжет, раскрывающий механизм гибели цивилизации Шумер оказался решающим для введения понятия «цивилизация» (в 2005 г.). доопределились сущностные характеристики цивилизации, культуры, духовности и т.п. (см. сх. 8).

Мы понимали, что, не владея рефлексивной культурой, общей культурой мышления, методологической мыслетехникой очень сложно осознать роль онтологической, с одной стороны и понятийной, с другой стороны – схемы «цивилизация» для всеохватывающих подходов, моделей, технологии исторических реконструкций, исторического прогноза и разработки исторически корректных стратегических решений. В 2006 г. мы ввели утверждение о том, что объектом исторического анализа является цивилизация, а сама историческая динамика предполагает различные типы дисгармонизаций цивилизации или их вторичных, с точки зрения этапов становления, гармонизаций, возврата в функционирование и развитие.

В 2007 г. мы ввели в качестве единицы предцивилизационного анализа – «страну», выразив ее содержание в соответствующей абстрактной схеме. Однако с объемом страны можно переходить к цивилизационному анализу составных частей и даже бытия отдельных людей, включенных в цивили-

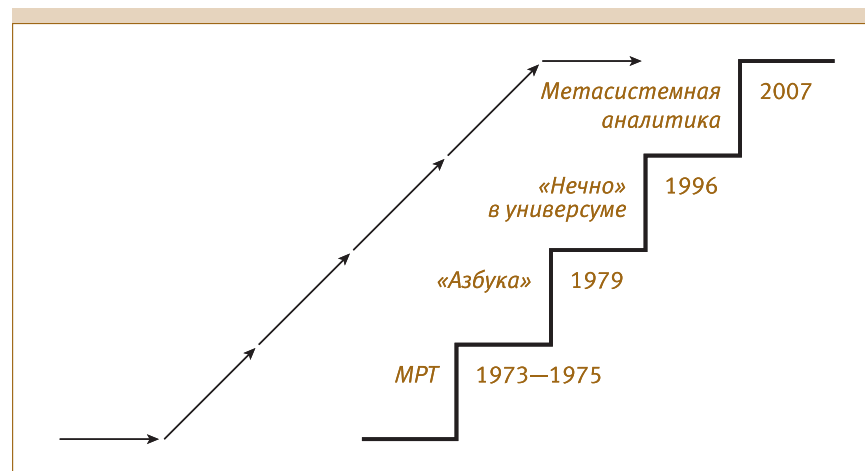

СХЕМА 6

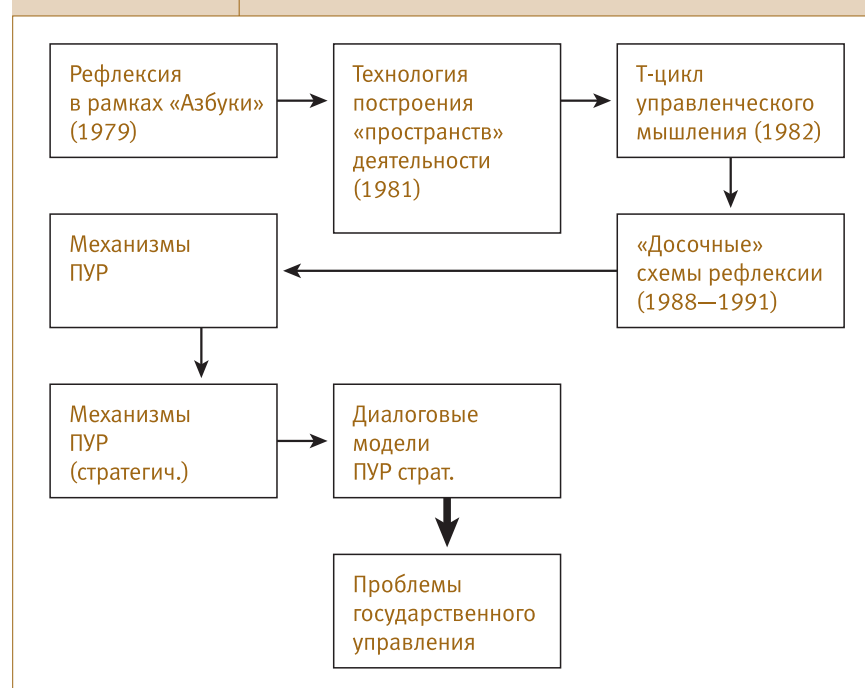

СХЕМА 7

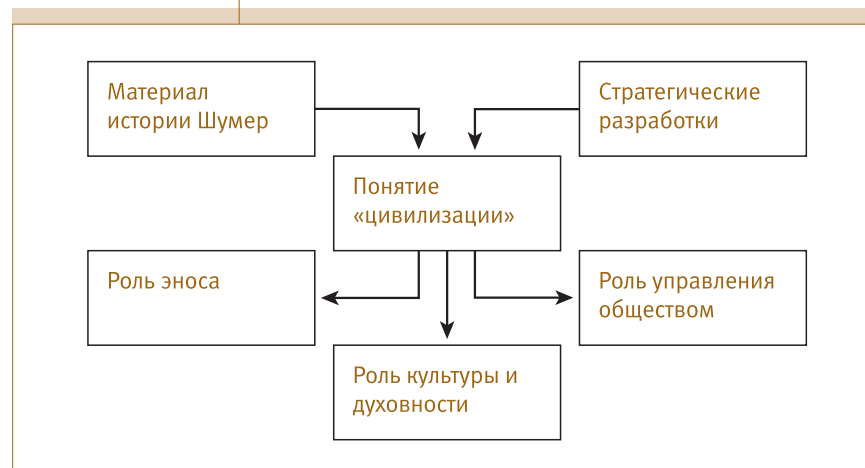

СХЕМА 8

зационное поле страны или ее части, в случае этнокультурной разнородности страны. Иначе говоря, выявилась общая перспектива анализа мирового процесса в цивилизационном подходе (см. сх. 9).

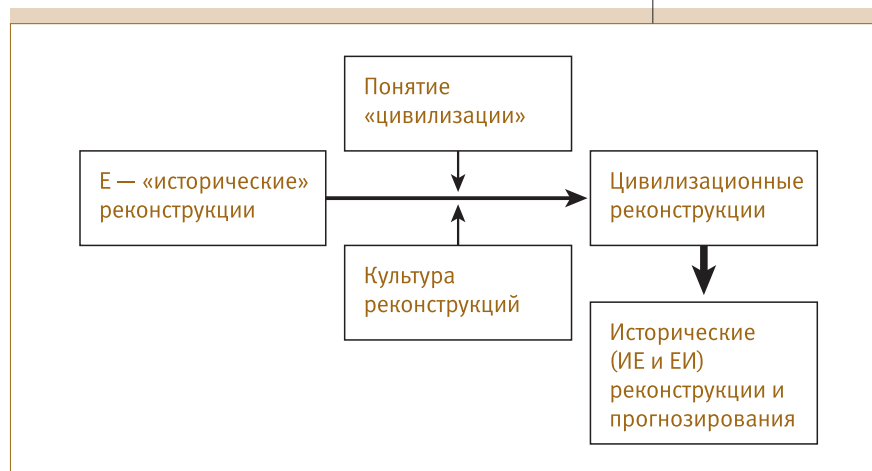

СХЕМА 9

Конец XX века для России стал экспериментальной площадкой управляемого метафизического замысла на уничтожение. Все положительное само сохранялось вопреки замыслу, а эффективное захватывали ловкие силы, спекулятивно работающие на себя или для подготовки к вхождению в мировое спекулятивное сообщество.

С точки зрения метааналитики эту ситуацию можно оформить следующим образом.

«Западная модель» делает акцент на потребительстве, но по преимуществу экономическому потребительству, которое вводит свое управленческое обеспечение, а при необходимости и культурное обеспечение. Поэтому мировые проблемы в логике сути и законов бытия не могут быть решены

так же, как не может философ проникнуть в базисные мировидения без преодоления потребительского, эгоцентрического отношения к познанию, вне тех установок, о которых и писали Кант, Фихте, Гегель, а также все лучшие мыслители, духовные люди (жрецы, волхвы и т.п.).

Эффективность «Западной модели» прагматична и смещена от вписанности в универсум. Она порождает в том числе «техногенную цивилизацию» с ее тупиками.

Коммунистическая модель акцентирует внимание на служении общему благу, выраженному в идеологическом функциональном звене и имеющей управленческое обеспечение. Однако вечное стремление к общему благу, подчинение части целому было оформлено в марксизме в онтологии «борьбы классов» и в превратном видении мировых законов бытия, фактически — вне соответствия этим законам.

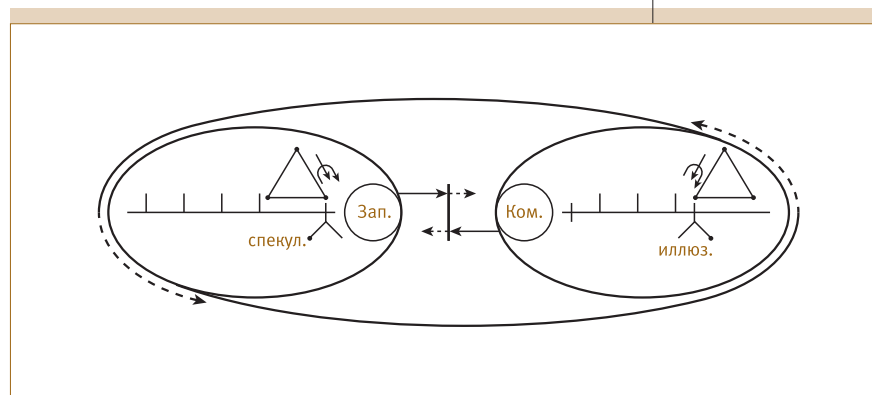

СХЕМА 10

А «борьба» требует мобилизации и дисгармонизации народного бытия под управлением тех, кто знает исходные положения, но не может и не желает их обоснования по критериям законов бытия универсума.

Этим предопределялась невозможность поправок и совершенствования, субъективность произвола идеологов и руководителей при оттеснении всех сущностно ориентированных мыслителей, здравых сил, инноваторов на периферию и в спекулятивное пространство. Две модели воплотились в две системы с их средствами воспроизводства, развития, борьбы (см. сх. 10).

Каждая «система» хотела подмять под себя противостоящую ей систему и сделать мир «однородным», «однополярным». Но коммунистическое поглощение не состоялось, а западное поглощение почти полностью осуществилось.

На мировой арене «Запад» почти победил. Но возникают новые возможности, связанные с «Востоком», воплощаемые, прежде всего, в опыте крайне быстрых и фундаментальных инно-

ваций в Китае. На Востоке сохранена культурная база, практика ее использования, например, «Книга Перемен» и т.п. Спекулятивность прагматизма ограничивается всеобщим характером критериев. Подготавливается и планируется перехват мировой инициативы на новой базе, в том числе и в экономике, в финансовых звеньях экономики. Сама экономика трансформируется из «индустриальной» в «интеллектуальную», «инновационную», а в – Китае – в «креативную».

Но перехват инициативы чреват и конфликтами, хотя в Китае уже 2,5 тысячи лет знают, что победа должна сначала произойти «в уме», у полководцев, а лишь вторично она доходит до силовых побед и побед солдат. Цивилизационная конкуренция и противостояние касается ведущих акцентировок (см. сх. 11).

Китай сохранил онтологическую базу в критериальном комплексе, которая позволяет резко повысить качество принимаемых решений и цивилизационный потенциал, повысить уровень перспективности проектов. Китай становится мировым лидером.

Возникает вопрос, что же делать России и ее потенциальным союзникам, в том числе, этническому славянству? Может ли она предложить «мировой проект»?

В первом десятилетии XXI века развал России был приостановлен, и она стабилизировала свое бытие. Но это еще не означает, что она начала решать те проблемы, которые стоят перед Россией как великой державой, как лидером цивилизационного процесса. Сырьевые преимущества обеспечили активную стабилизацию. Но чтобы ставить и решать внутренние проблемы вне случайных усилий, чтобы поступать, как великая держава Россия должна еще перейти к нормальному функционированию. Это пока еще не понимается руководством страны и действия В.В. Путина, Д.А. Медведева носят еще «реакторный» характер, хотя и с увеличением масштабов проектируемого движения России. Необходимо понять метафизическую сторону усилий и проектных утверждений, «заказов» нового руководства.

Россию нужно еще не развивать, а осуществить ее «становление», подумав об основаниях – «идее», «форме», о соотношении имеющегося с этими основаниями. Не имея стратегии цивилизационного становления нельзя строить дальнейшую перспективу цивилизационного развития. *От введенности «идеи» и «формы» нашей цивилизационно оформленной страны зависит самоопределение России в мировом процессе.* Но прежде чем самоопределяться, надо иметь определенность видения происходившего и происходящего. А оно может быть представлено с помощью средств метааналитики, учитывая двойное использование «метафизического треугольника».

Позитивное использование дает возможность видеть совмещение «первоморфологии» и «первоформы» в позитивном становлении, когда совмещающее, «организационное» начало создает нечто с его позитивным воспроизводством и возможностью развития. В негативном использовании организационное начало устремлено к разрушению нечто, его хаотизации, дестабилизации (см. сх. 12).

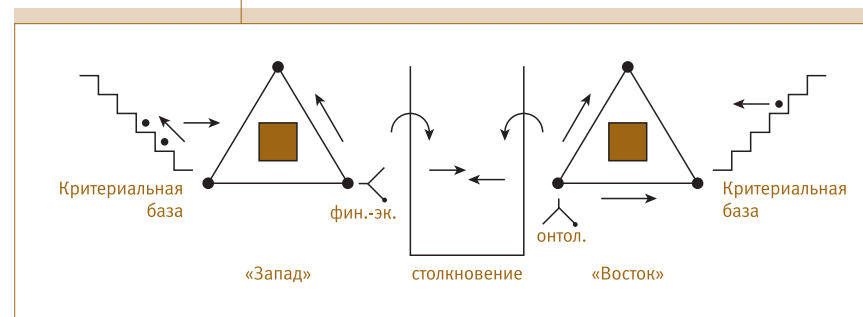

СХЕМА 11

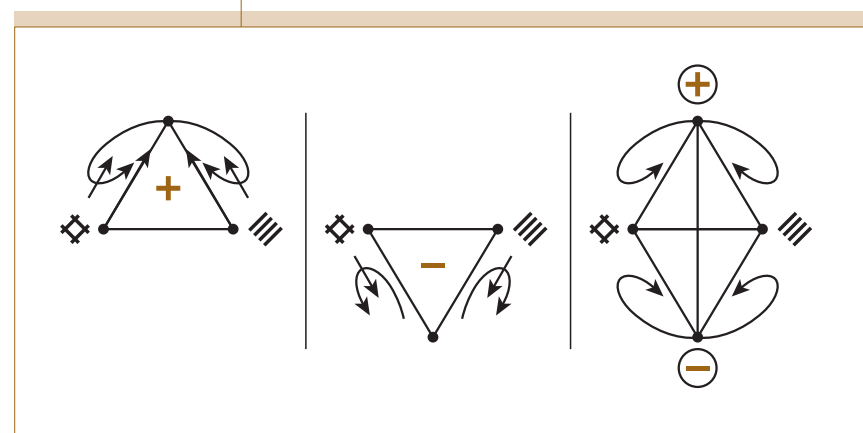

СХЕМА 12

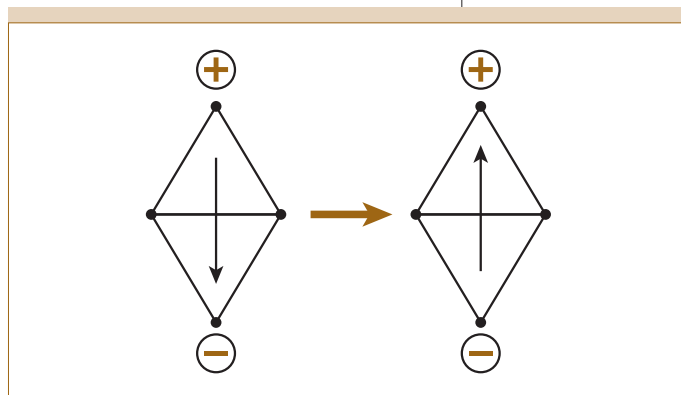

СХЕМА 13

Применительно к России и некоторым иным государствам и странам была осуществлена стратегия «негативного управления», когда возможности, ресурсы России всех типов, в том числе управленческие, использовались для дезориентации, дестабилизации, дезинтеграции, хаотизации и т.п. В большинстве случаев это осуществлялось «руками» самих россиян. Был создан потенциал и инерция псевдодвижения и разложения. И тогда естественным выступает смена ориентации с негативного на позитивное управление (см. сх. 13).

В пределах «обычного», сложившегося в стратегическом управлении способа постановки стратегических проблем и задач осуществляется «реагирование на негативную ситуацию» и применение «здорового разума», даже при предпосылке искреннего желания вывести Россию из тупика и бесперспективности в глобальном процессе, в мировой конкуренции. Это видно из конкретных усилий последних лет. Само по себе внесение момента долговременности не насыщает проекты стратегичностью. Различие легко выразимо на подходах к осуществлению принятия решений, организации рефлексивных процессов. Один опирается на видение ситуации, а другой на видение сущности бытия и корректного отношения к сути, к исторической реализации сути (см. сх. 14).

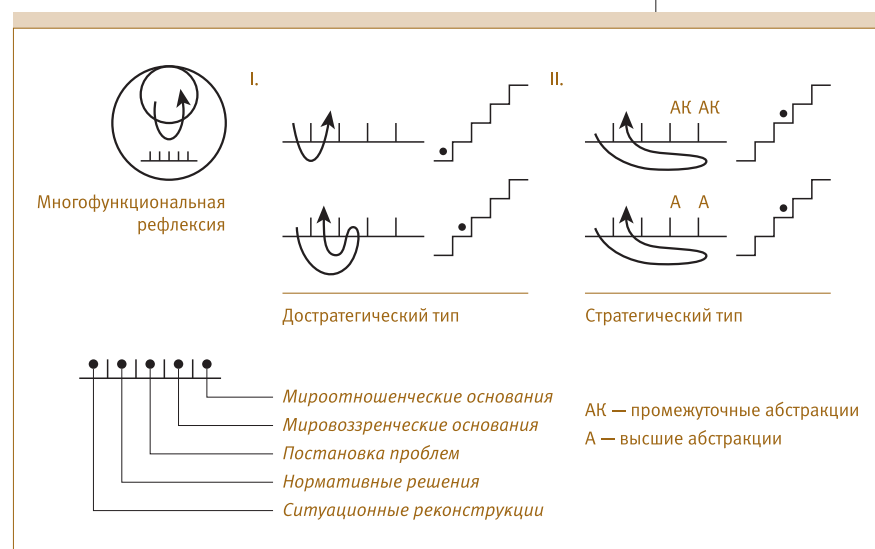

СХЕМА 14

Тем самым, предстратегический тип рефлексии и принятия решений неконкурентен в мировом взаимодействии. Высший уровень его, снабженный формальными средствами языков, математики и т.п. представлен на «Западе». На «Востоке» вводятся мировоззренческие критерии и поэтому могут создавать собственно стратегические проекты.

При налаженности и масштабности предстратегической формы создания проектов на Западе и мобилизованности огромных сил Россия не сможет конкурировать «Западу». На «Западе» механизмы общества и управления находятся в налаженном состоянии, в фазе «нечто», вовлекающей и инновативу в управление, а также результаты многих наук. Идти по данной линии означает надежное отставание при неналаженности механизмов общества. Естественно, что невозможно соревноваться и с «Востоком».

Пока это обстоятельство не будет осознано, Россия не будет иметь перспективы стратегической «пассионарности» и лидерства.

Крайне важно осознать динамику цивилизационного процесса в мире в ее различных локализациях. И «Запад», и «Восток», как и мусульманский «Юг» являются участниками цивилизационного «перелома», характер которого пока не осознается. Если выделить исходное положение в качестве сверхважной и ответственной гипотезы, то можно сказать следующее. При относительной прослеженности 40 тысяч лет можно выявить периоды становления «здоровых» цивилизаций на основе суперэтнуса русов, некоторой стабилизации и функционирования цивилизации, постепенного падения и деформирования цивилизации и точки возможного возврата к «здоровому» состоянию» (см. сх. 15).

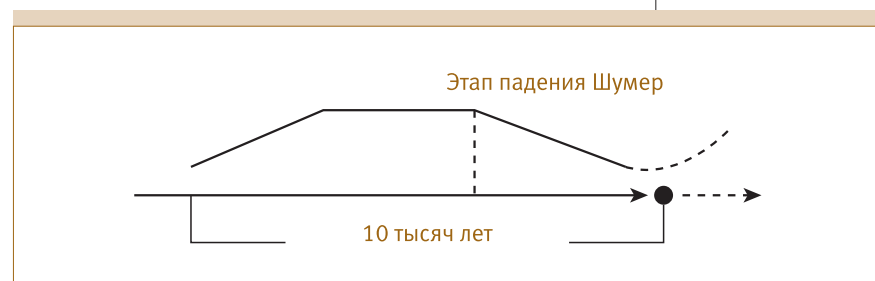

СХЕМА 15

Иначе говоря, падение уровня цивилизации, ее «инвалидизация» привело к техногенному пути, тупикам XX века и перспективе гибели теперешнего мирового челове-

ского сообщества. Желание выжить требует масштабного осознания причин негативной инерции и возможностей преломления в позитивную сторону.

Глубина проблем и негативные перспективы ведут к предельной значимости интеллектуально-духовной мобилизации. Важно подчеркнуть, что именно Россия и обладает максимальным потенциалом подобного очищения, готовности к ней по критериям особенностей менталитета, духовно-нравственной склонности, а тем более – потенциалом критериальной базы.

Обладая таким потенциалом, Россия может стать лидером всего рефлексивного обеспечения мирового цивилизационного процесса, объединяя достоинства «Запада» и «Востока», а также бойцовского «Юга».

Если «Запад» дает высшие образцы прагматизма, что специфично для «морфологии цивилизации», то «Восток» дает мировоззренческие предвысшие образцы оснований прагматизма, что специфично для «формы цивилизации». При соединении этих начал нужны силы для удержания противоположностей в синтезе, которая характерна для «Юга». Но только Россия может дать первооснование синтеза всего и их гармонизации (см. сх. 16).

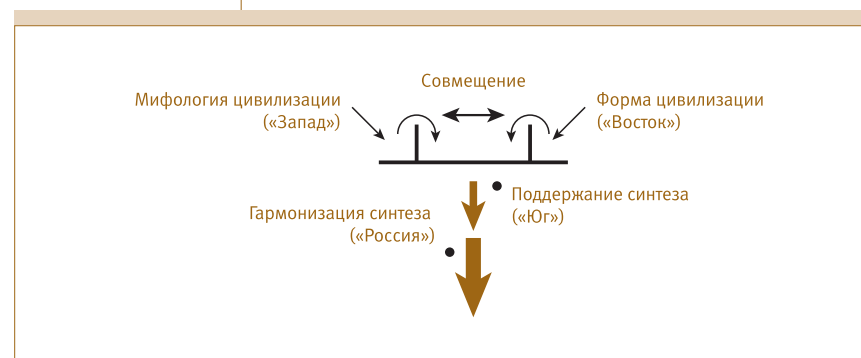

СХЕМА 16

Завершим анализ некоторым уподоблением «формулы» Т-цикла управленческого мышления, введенного в 1982 г. Мы входим в позицию управленца, точнее макроуправленца, осуществляющего цивилизационное управление. «Общество» формулирует заказ на будущий продукт, и мы должны его понять как – заимствуя позицию заказчика, так и по внутренним критериям «профессионально».

Исходя из имеющихся ресурсов, мы можем предложить измененный заказ. Если он приемлем заказчиком, то строится проект реализации оформленного внутреннего заказа.

Специфика начинается тогда, когда вводятся внутренние критерии. Они либо стихийно выражают опыт, либо опираются на сущностные воззрения, идущие из науки и философии, а затем и методологии.

Второй вариант специфичен в стратегическом управлении. Но тогда строится абстрактное представление о деятельностной кооперации, способной реализовать заказ, точнее – оформленный в цели – заказ. Это соответствует построению «пространства деятельности» как формы, пока абстрактной, будущей деятельностной кооперации.

Стратег оперирует именно средствами «всеобщей» теории деятельности при построении пространства деятельности.

Затем только учитывается имеющийся ресурс, актуальный и потенциальный, что ведет к более конкретной форме деятельностной кооперации, а само построение использует логику ЛСУ («метод Гегеля»). В ходе конкретизации формулируются проблемы и задачи. Подобная управленческая мыслетехника существует лишь в зоне разработок методологов ММПК, являясь общей основой стратегического мышления. В нашем случае в качестве конкретного заказчика выступают В.В.Путин и Д.А.Медведев, отражающих позитивную линию в руководстве страной. Однако они формулируют проектные, целевые и заказные утверждения в достратегической

форме, сводимой к ситуационному реагированию с некоторой рационализацией и зависимостью от особенностей отраслей, сфер деятельности. Они не опираются на онтологию страны, на «нечто» страны, тем более что эти онтологии никем не строятся и не умеют строить, не владея методологией. Управление же предполагает объектное видение того, чем управляют, и это опирается на высокий уровень культуры мышления и «язык теории деятельности», существующий реально только в методологии. Актуальные в управлении языки остаются «преддеятельностными». Кроме того, в самой методологии ЯТД развит на различном уровне в ММК и ММПК. Мы обладаем тщательно развитой версией, имеющей прагматическое, семиотическое, онтологическое, логическое основание (см. наши монографии).

Исходя из анализа исторической динамики, цивилизационного взгляда на нее, на бытие страны и стран, из объективной необходимости «реагировать» не на массив исторических событий, а на цивилизационное состояние, мы корректируем заказ. Предлагаем следующее:

1. *Рассматривать страну в состоянии становления, а не функционирования;*
2. *Считать становление происходящим в условиях цивилизационного кризиса, требующего антикризисного управления и мобилизационного подхода;*
3. *Считать цивилизационный кризис «принципиальным», ставящим мировое общество перед необходимостью антипотребительского, антиэгоцентрического подхода;*
4. *Оценивать цивилизационный потенциал всех значимых стран, особенно стремящихся к лидерству;*
5. *Предполагать не конфронтацию, а соотнесение и совмещение цивилизационных потенциалов;*
6. *Рассматривать цивилизационное управление исходным для всех иных типов, что требует цивилизационной оценки всех типов управления;*
7. *Предполагать коренную реорганизацию исторических, а также всех гуманитарных и естественнонаучных исследований с внесением коррекций с онтологическим обеспечением исследовательских программ и внесением должной меры культуры мышления, метасистемной аналитики и т.п.;*
8. *Предполагать коренную реорганизацию всех аналитических разработок с введением современных логических, семиотических, онтологических, методологических критериев;*
9. *Предполагать коренную реорганизацию образовательной сферы с внесением в содержание образования в качестве исходного звена формирование механизмов рефлексивной самоорганизации высокого и высшего уровней, с включением культуры мышления в работу с текстами, в оперировании онтологиями, в арбитражном обеспечении дискутирования, во всех формах социокультурных, деятельностных, культурных и духовных взаимодействий;*
10. *Введение приоритетности универсального, духовного воспитания с конкретными конкретизациями в религиозных и иных формах воспитания;*

11. *Предполагать всеохватывающее, разномасштабное, но организуемое и самоорганизуемое сплочение народа с выделением всех, устремленных на положительное, созидание, самосовершенствование, самослужение интересам универсума, исторической динамике, цивилизационной динамике, стране в качестве пионеров развитого цивилизационного общества и мирового сообщества;*
12. *Рассматривать цивилизационное обучение и воспитание приоритетным сначала всех участников культурно-духовного процесса в стране, затем – стратегических управленцев и аналитиков, вслед за этим всех управленцев, аналитиков и педагогов, а лишь после этого всем остальным членам общества;*
13. *Предполагать и организовывать мудрое сочетание управления и самоуправления, самоорганизации при использовании в качестве арбитражных оснований всех дискуссий самых развитых языков, прежде всего – тех, которые работают в методологии;*
14. *Предполагать систематическое изучение мирового критериального наследия, реконструкции, открытое их обсуждение и опыт культурных нововведений.*

Стратегический проект

«Методологическая фабрика» как условие качественного совершенствования интеллектуальной практики и интеграции методологии в цивилизационную динамику.

Предпосылки

Методологическое движение, реально соответствующее функции методологии, возникло в середине 50-х г.г. Опыт методологических разработок показал, что мыслительная культура выявляема во всех практико-значимых образцах мыслительного взаимодействия, прежде всего, в дискуссиях, всех типах рефлексии, в проблематизации, прогнозировании, депроблематизации, решении задач и т.п.

Сама культурная сторона мышления предполагает обращение к основаниям, критериям, формам, языковым средствам, логическим формам, требующим от человека внутреннего развития и налаживания пути совершенствования.

К середине 70-х г.г. внутренний опыт организованного мышления и его критериального, формного обеспечения стал столь многообразным, что требовалось расслоение интересов в стратегической рефлексии методологического движения на «первичные» и «оформительские», т.е. вносящие качество в накопленное количество. Без этого нельзя организовывать трансляцию культуры, ее внедрение в широкую практику интеллектуально насыщенных «производств», в консультирование, аналитику, экспертизу, стратегическое планирование и др.

В конце 70-х г.г. (с 1979 года) начался период игрового способа проявления методологии. Он сделал мыслительную работу еще более сложной, но сблизил в прямых взаимодействиях, на игровом поле, с интеллектуальными представителями практики. Подготавливались условия кооперативного синтеза «практиков» и «методологов».

Однако игровая форма методологической работы, могущая реально ввести практиков в линию интеллектуального совершенствования, роста качества, сохранила неоформленное мышление методологов при резком отрыве самих образцов и оснований мышления от практиков, - создавала, а не снимала разрыв уровней сложности и оформленности мышления, порождала серьезные противоречия.

В отличие от основной массы методологов в 1978 году возникла группировка, осознающая различие между количественным и качественным подходом к реальному методологическому бытию и устремленная на транслируемость культуры. В этом и состояло различие стратегических установок и способов работы ММК и ММПК.

В рамках ММПК стал появляться опыт качественных оформлений образцов, средств, методов методологической работы. Мыслетехника в ММПК основывалась на особом «методе» работы с образцами мышления, текстами дискутирующих (МРТ), а сам «метод» имел базисным основанием не только схемотехнику, но и форму «абсолютного метода», введенную Гегелем. Применение нового уровня мыслетехники позволило создать огромный арсенал оформленных средств и оснований, зафиксировавший переход от «естественно-искусственной» (ЕИ) фазы методологической работы к «искусственно-естественной» (ИЕ).

Возник серьезный отрыв потенциала ММПК от потенциала ММК.

Несмотря на потенциальные возможности снять разрыв между практикой и методологией и ряд перспективных образцов движения в этом направлении методология и в рамках ММПК осталась неинтегрированной в целое интеллектуального бытия страны. Для реализации установок не было и реальных материальных, институциональных и др. условий, так как инкубационный период обеспечивался персональным ресурсом времени и финансами членов ММПК.

Методология, прежде всего, в рамках ММПК, была готова к создаваемой кооперации с практикой, но лишь содержательно и мотивационно, а не в пределах современных институционально-экономических механизмов.

Проблема

Если выделить существо разрыва в сложных образцах и средствах, формах мышления методологов и практиков, то оно состоит и состояло в отсутствии у методологов необходимых для практиков

- 1. технологий мыслительной работы, соразмерных технологическому уровню задач, моделей, а также*
- 2. методов, которые могли бы гарантировать успешность мышления практиков и успешность их деятельности в пределах «ближайшего» уровня роста качества, оставляя полноту возможностей «на будущее».*

Поскольку методологи в своих кооперативных взаимодействиях с практиками, в игротехнической работе могут приносить им пользу и осуществлять трансляционный эффект, то технологическое оформление должно было осуществляться и применительно к игротехнической работе, как гарантированность успеха во взаимодействиях. Но этих разработок, также в зоне «ближайшего уровня роста качества», методология не предложила.

Разрыв, о котором шла речь, выступает как «технологический», не снимая которого нельзя обеспечить синтезирование методологии с практикой. В то же время, если снять технологический разрыв, все виды интеллектуальных разработок, в том числе и в науке, управлении, образовании и т.п., могут перейти на новый уровень.

Его практическое выражение означает выход России на ведущее место в мире во всем объеме проявлений, так как успех «головы» ведет и к успеху «рук и ног», если последние могут встраиваться в совершенную работу «головы». Прежде всего это касается высших форм и уровней инноватики, науки, аналитики, стратегического мышления и т.п.

Проектная идея

Поскольку проблема, описанная выше, достаточно глубоко была осознана не только в ММПК, но и лидерами СОИ (Сообщество «Оптимальные Инвестиции»), а также рядом союзников ММПК, с одной стороны, появилась возможность совместить потенциал лучшей части «практиков» и «методологов», а с другой стороны – возникла совместная идея перехода к систематическим технологическим разработкам в двух тематических направлениях.

В рамках первого,

1. *«потребителями» выступают консультанты, аналитики и др.,*

а в рамках второго –

2. *игротехнически проявляются методологи.*

Методологи должны создавать технологические комплексы, включающие «задачи», «проблемы», «модели» (как «для-других», так и «для-себя»). Совместный качественный рост позволит перейти от ближайших совершенствований к «более высоким» до исчерпывания потенциала методологии.

Стратегичность проекта

Игровая практика показала, что совмещение усилий практиков и методологов ведет к «высшим» достижениям для мышления практиков, ранее недоступным притязаниям в проектах, стратегиях, перспективах развития и т.п. Понимание соответствующих возможностей и «скачков» могло складываться лишь у тех практиков, кто тесно взаимодействовал с методологами. Остальные оставались «незрячими».

В современной динамике всех сфер жизни общества мыслительная составляющая деятельности, «умственная», является ведущей и ее роль в инновационной и развивающей ориентации динамики повышается. Внедрением методологии Россия может не только вернуть себе лидирующие позиции в интеллектуальном производстве, но и резко оторваться и от США, ЕС, Китая и др., подавая пример всем. Глобальный характер движения стран, их экономик, науки, образования, культуры и т.п. приводит к необходимости цивилизационного самосознания и самоорганизации всех принимающих решение.

Именно в цивилизационном контексте видны все преимущества методологии и ее ведущая роль в далеком и близком будущем.

Эра методологизации началась.

Поэтому все те, кто имеет отношение к стратегии, будут вынуждены понять возможности методологии. Однако для актуализации таких возможностей необходима масштабная технологизация интеллектуальной работы и у практиков, и у методологов. Это и означает переход к профессионализации методологии, к методологизации профессиональной работы в интеллектуальных типах практики. Тем самым «технологизация» выступает не как тактический этап в со-

вершенствовании методологии и практики, а как глубочайший стратегический период взлета на принципиально новый уровень.

Стратегический портрет методологии

В ММПК на общем фоне методологических разработок выделились сущностно значимые тематические поля (см. раздел о вкладах). Наиболее перспективные из них связаны с арсеналами

1. *онтологических средств системного и метасистемного анализа;*
2. *средств псевдогенезиса и с «лестницей» уровней бытия;*
3. *средств анализа «цивилизации» и*
4. *«цивилизационной динамики»;*
5. *средств анализа стратегий и макросистем.*

Эти потенциалы должны быть переведены в технологическое пространство «задач» и «проблем», что дает неограниченные возможности в обустройстве страны, цивилизационных систем.

План реализации

В течение лета 2008 года были проведены семинары и модуль (на Иссык-Куле), в которых достаточно подробно раскрыты моменты механизма «методологического предприятия», производящего технологии, задачи, методы, модели с привлечением реально действующих методологов ММПК.

Опробовано решение некоторых типовых задач. Видеозапись опыта будет предоставлена всем будущим участникам в дополнении к специальному тексту обоснования МП, подготовленному лидером ММПК О.С. Анисимовым.

Центральное звено разработок будет находиться в «пространстве» московской группы (в СОИ и в «Стратегическом центре» при факультете социального управления РГСУ).

8

Методологическая версия программы Президента России

Ситуация

Мировая динамика может быть понята лишь через призму – «цивилизационную динамику». Россия занимает особое место в цивилизационной истории. Она сохраняет сосредоточенное проживание не только русскоязычного множества этносов, но и самого «русского этноса». Из-за безумной для населения экономико-политической и правовой реформы, сопровождающейся экономическими и всеми обычными типами криминализациями, резкого взлета межэтнических, межрелигиозных и др. противоречий с переходом противоречий в их крайние формы – в терроризм, отхода государства от своих обязанностей в социальной, образовательной, культурной, научной, духовной сферах, а также в инженерии и т.п. значительная часть россиян занималась выживанием, в том числе путем эмиграции. В целом русская составляющая этнической массы казалась максимально дезориентированной, деморализованной, потерявшей инициативу, в то время как ряд более малочисленных этнических групп воспользовался свободами и безнаказанностью, мобилизовался, освоил или восстановил криминально-экстремистский потенциал, захватил рычаги движения капиталов, вовлек в свое обеспечение политическую, правовую, силовую стороны сервисных структур, сделал общую переориентацию на спекулятивный образ политического, экономического и т.п. бытия.

Начало XXI века, благодаря «линии Путина», оттеснило эти процессы от их одиозного течения, во многом приглушило, привлекло к активности часть сохранившегося «актива» времен партийной упорядоченности СССР, вселило успокоение в мировом восприятии событий в России.

Однако те мероприятия и подходы, которые используются в «плане Путина» носят оперативный, ситуационно значимый характер, количество накопления положительных моментов и процессов.

Этническая, этнокультурная, культурная, духовная динамика остаются негативными и вероятность исчезновения русского этноса, его растворения в иных этнических массах, на фоне активизации борьбы лидеров мира за ресурсы всех типов, не снижается.

Технологии манипулирования этнокультурным, нравственно-духовным процессами, совмещенно с политическим и экономическим, военным и др. манипулированием лидеров мира таковы, что можно достаточно незаметно подходить к черте мирного устранения России как мирового субъекта.

В политическом дискуссионном пространстве совершенно отсутствуют знания о «большой» истории, позволяющей увидеть путь возникновения России, ее роль в мировом цивилизационном процессе. Рассматривается, фрагментарно, история последних веков и, еще менее отчетливо, история «нашего тысячелетия», государственности.

Замалчивается цивилизационная динамика 35-40 тысяч лет, складывания суперэтноса «русов», прохождение этапов расслоения русов, их распространения по огромному евроазиатскому пространству, модификации этнокультурного механизма цивилизации с выделением поверхностных слоев единого языка, при сохранении, в значительной части, мировоззрения и мироотношения в глубинных слоях.

Не обсуждается роль духовно-культурных оснований русов в самосохранности базисных слоев внутреннего мира расщепленных русов, их оформление в различающиеся народы и народности, приобретение «самостоятельных» языков, переходы к противопоставлениям белой расы внутри себя. Не показывается роль русов в становлении и преобразованиях цивилизационных единиц, ядер в Египте, Ассирии, Сурии, Персии, Северной Индии и т.п., а затем в Греции, Риме, Германии, Новгородско-Киевской Руси и т.п.

Не принимается в расчет то, что максимальное сохранение культурно-духовного наследия «русов» осуществлено у славян, особенно у русских (великорусов, малорусов, белорусов).

В начале XX века была сделана попытка тотального устранения «русского фактора» на потребу спекулятивного замысла, а в конце XX века попытка, в иной форме, повторилась.

Поскольку «натуральная» составляющая этноса подвергается постоянным деформациям и чистоте расы можно служить лишь тактически, что подтвердил опыт нацистов в Германии, а подлинная основа этноса лежит в плоскости нравственно-духовного механизма, то последние тысячелетия (3-3,5 тысячи лет) нарастала борьба за подчинение спекулятивным силам именно этого механизма. Она была обращена прежде всего к славянству, с направленностью лишить его нравственно-духовной памяти и внесения искривленных, ведущих к тупику версий мировоззрения и мироотношения. Постепенно усилия сосредотачивались на организованной мировой силе – России, основном препятствии спекулятивным силам. То, что мы переживаем, является лишь продолжением и модификацией прошлых усилий.

Проблема

Анализ причин цивилизационного «ломания» России, приоритетного наступления на духовность и культуру, образование и науку, в том числе придание православию догматического настроя в самоорганизации и в воздействии на активно-духовную часть этноса, а затем наступления на качество управления, в том числе за счет внесения односторонности экономических критериев, при спокойном, всестороннем разложении основ нравственно-духовного бытия населения России, сведении к сниженным требованиям к себе, к взаимным отношениям, включая поддержание активного пьянства, семейной деградации, наркотизации, стимулирование эгоизма, правового нигилизма, - остается крайне поверхностным.

Многослойное неустройство руководителями рассматривается непосредственно, в пределах регистрации негативных явлений и соотнесения с финансовыми возможностями муниципального, регионального, федерального уровня.

То, что все экономические расчеты имеют глубинную основу, ведущую к поддержанию дестабилизации, что она сосредотачивается на приоритетности дестабилизации русского населения, что правовые рамки «ремонтируются» лишь на поверхности, а правовая система остается синкретическим массивом, помогающим дестабилизации, что в правовом поле основание скрыто, а основанное рассматривается лишь «конкретно» и локально – все это и многое другое является производением искусства управляемой деградации.

Проблема состоит в том, что сказанное либо:

1. *не замечается, не имеет внутренней подготовленности искренних политиков к пониманию,*
2. *замечается ими на интуитивном уровне, не ведущем к принципиальному изменению подходов к действиям,*
3. *достаточно хорошо понимается спекулятивными политиками, знающими, кто им платит,*
4. *плохо опознается, но позволяет активно самоорганизовываться с помощью тех, кто за подобное платит,*
5. *не опознается и поддерживается в рамках участия в «едином потоке» дестабилизации за приемлемые услуги.*

Если бы это опознавалось, и принципиальная позиция в пользу России и близких ей государств, потенциальных союзников, соратников и др. была бы введена, появился бы не национальный – в многонациональной стране, а - *цивилизационный лидер*, лидерская команда, призвавшая страну и все близкие по духу страны к активному противостоянию дестабилизации и к решительному пути по пути цивилизационного «возрождения» и «прогресса».

Это стало бы основой сплочения всех искренних, «здоровых» сил во всех сферах жизни страны, всех этносов, понимающих неизбежность следования высшим основаниям бытия, выраженных в культуре, в духовности, которые многослойно «замаскированы» в ходе духовно-культурной дезориентации.

Такая выделенность позиции новых лидеров способствовала бы всесторонней мобилизации интеллектуально-духовного и нравственного потенциала страны, устранила бы *наследие партийных противостояний*, помогающих лишь «ломать Россию». Все значимое партийных и других версий могло бы быть опознано и использовано в едином обустройстве России.

До сих пор все виды противостояния сводятся к экономической, политической, этнической и т.п. основаниям и формам, тогда как

- ◆ *мудрость политика издавна была в усмотрении противостояний как следствия несоответствия всеобщим, «универсальным» основаниям.*

Единство первооснований устраняет принципиальность «борьбы», сводя ее к исторически «случайным» недоразумениям.

Тяжесть проблемы предопределяется сниженным уровнем аналитики, не позволяющей увидеть первопричины, а снижение предопределено вытеснением высших форм познания, ре-

конструкций. Даже появившиеся в конце XX века новые возможности высшей аналитики, в сфере методологии, удерживающие уровень, достигнутый в философии, логике и придавшей ему технологическую форму, фактически не используются как особый «резерв» цивилизационного управления.

Путь.

Цивилизационный кризис является высшей формой кризисов в обществе, так как его направленность сосредоточена не столько на народной жизни, хотя и замечается непосредственно на ней, и даже не только на управлении обществом, зависящем от интеллектуально-духовного потенциала управленческого корпуса и всех сервисных подсистем, сколько на культуре и духовности, науке и образовании.

Поэтому основные усилия должны быть направлены *на устранение деформаций и искривлений в сфере предельных оснований каких-либо мнений*, а затем на приоритетное использование этих (предельных) оснований в управлении, которое приобретет нужное качество и потенциал разработки антикризисных решений.

Антикризисные стратегии должны быть главной заботой Президента на стадиях разработки, коррекции, реализации. Регулярное управление, совершенствование того, что происходит во всех сферах – должно быть заботой Правительства. Подчиняясь Президенту, Правительство сочетает регулярную и антикризисную стороны своей работы.

После преодоления кризиса главная забота Президента – развитие. И во всех случаях – преодоление кризиса, развитие – касается именно цивилизационной динамики.

Президент должен отчитываться перед народом не за многочисленные усовершенствования во всех деталях жизни страны, а именно за цивилизационную динамику страны.

Парламент должен обеспечивать, с одной стороны, регулярную составляющую управления и рост положительных следствий для страны во всех сферах, а с другой стороны – и это в условиях кризиса главное –

- ◆ *правовое обеспечение реализации и разработки, коррекции цивилизационных стратегий.*

Как и во всяком кризисе, в связи с цивилизационным характером кризиса, нужна мобилизация всех «здоровых» сил, обладающих максимальной эффективностью и перспективностью относительно цивилизационного механизма и процесса, построение иерархии приоритетов, гарантирующих преодоление кризиса.

Каков способ мобилизации, не нарушающий основные процессы в стране?

1. *Выявить всех желающих, к моменту действий, внести свой, личный вклад в успех России по функциональной линии «воплощения замыслов», опираясь на «свой» ресурс;*

2. Выявить всех желающих, к моменту действий, внести свой, личный вклад в успех России по функциональной линии «разработки замыслов», опираясь на свой, интеллектуально-духовный ресурс;
3. Выявить всех желающих, к моменту действий, внести свой, личный вклад в успех России по функциональной линии соорганизации «воплотителей» и «разработчиков»;
4. Выявить всех желающих, к моменту действий, внести свой, личный вклад в успех России по функциональной линии «экспертизы проектов соорганизации», опираясь на свой опыт, образцы технологий, модели, интеллектуальные основания;
5. Выявить всех желающих, к моменту действий, внести свой, личный вклад в успех России по функциональной линии «методологическое обеспечение экспертизы»;
6. Создать организационные возможности открытого, «демократического» обсуждения проектов совмещения «воплотителей», «разработчиков», «экспертов», «методологов» при экспертно-методологическом сопровождении хода обсуждений, нейтрализующих спекулятивное и поверхностное течение обсуждений.
7. Создать методологическое сопровождение всех усилий по критериям системного анализа и цивилизационной динамики, в которую входит и динамика государственного управления.
8. Создать сервис «охраны» всей мобилизационной динамики для нейтрализации усилий по опорочиванию, дезинформированию, дестабилизации и т.п. мобилизационного процесса в его количественном и качественном расширении.

Почему эта мобилизационная развертка должна быть предметом главных забот Президента?

Потому что только его авторитет, должностное положение, ответственность за кардинальные сдвиги в жизни России соразмерны мобилизации, наподобие военной мобилизации.

Почему мобилизация предполагается на «добровольности» участников?

Потому что нужны силы, способные сознательно «обустроить» Россию, переносить все особенности и тяготы мобилизации. Они смогут создать костяк здорового, перспективного общества. Подобно реанимируемому организму, опирающемуся на интенсификацию функционирования наиболее здоровых частей организма.

- ◆ Только под руководством Президента и его аппарата может осуществляться защита «оздоровления».

Конечно, у Президента есть административная возможность мобилизовать все необходимые оргструктуры, институты и др. на решение проблем и обеспечить их ресурсами различного типа. Но уровень качества действий, быстрота, сознательная самоотдача в них несопоставимые с «добровольцами». Тем более что все научились раскладывать деньги и в свои карманы, и в заинтересованных формах. Нет ни силовых, ни идеологических рычагов искреннего и интенсивного служения даже объективно необходимому, что дополняется умелой маскировкой неадекватных действий.

Те же руководители и специалисты, которые добросовестно служат своему делу и вольются в число активных «добровольцев». Требуется лишь эффективная, надежная соорганизация «на родного призыва».

В качестве механизма соорганизации «добровольцев» во всех областях, особенно при охвате ими всех узловых сфер, систем деятельности, механизма иерархизации усилий вне противостояния обычной, регулярной работе всех систем, выступит сетевая структура игромоделирования, организационно-мыслительных игр, опыт проведения которых уже существует в России.

Эта сеть должна быть наиболее тщательно согласована с Советом при Президенте, отвечающим за всю мобилизационную работу.

- 1. На основе игромодельной сети можно создать новый тип госпланирования, соответствующий цивилизационной динамике.*
- 2. При сети игромоделирования можно создать сервисный слой исследовательских и аналитических групп по налаживанию взаимодействия критиков, прогнозистов, нормировщиков.*
- 3. При Президенте должен быть создан «Штаб» интеллектуального обеспечения мобилизационных согласований с соблюдением критериев цивилизационного типа.*

Однако вышесказанное касается необходимой предпосылки оздоровительного «рывка» России.

Достаточные предпосылки касаются специфики цивилизационного механизма.

Как учесть особенности цивилизационного механизма во всех масштабах: муниципальном, региональном, федеральном?

Для цивилизационного процесса характерен переход

- ◆ от случайного или полуслучайного, с применением частных критериев, в том числе и научных, монопредметных и многопредметных, типа организации действий систем любого объема,*
- ◆ к неслучайному типу организации с применением высших философских и мироотношенческих, в том числе и религиозных и надрелигиозных ориентиров.*

Возможность такой неслучайной аналитики открылась при совмещении философских онтологических конструкций с методологической техникой рефлексивного мышления.

Отличие от уже имеющихся критериев и ориентиров, в том числе и «синергетических», состоит

- ◆ в подконтрольности всего цикла мыслительных процессов с любым количеством участников и доступности критической проверки любых действий в мышлении и выводах.*

Подобными возможностями обладает только Россия. Тем самым, между стихийным самопроявлением «добровольцев» любого уровня профессионализма и возможностью придать им неслучайный характер проводится совмещение без утери позитивного с той и другой стороны.

Эта перспектива проверена в игромоделировании особого типа («организационно-мыслительные и организационно-деятельностные игры»), могущими выполнять роль «фабрик» организационно-управленческой мысли, ответственных за принципиальные ответы на самые сложные вопросы.

«Неслучайность» мысли и отношение к замыслам со стороны направленных на мобилизованное достижение успеха России предполагает оформление «идеологии», опирающейся не на интересы классов и этносов, а на «нейтральные» высшие мировоззренческие и мироотношенческие основания. Такие основания уже выделены, и они совместимы с историей философской мысли, историей культуры, духовной истории.

В них заложен и потенциал позитивного привлечения любых религий и духовных течений, если они не замыкаются в своей догматике, исторической инерции, а также сохраняемости базиса этих религий и верований, не связанным с самоограничением в мысли.

Источником всех высших оснований, их порождения и опознавания выступает мыслительный арбитраж, техника которого оформилась в России, в методологии.

Каким образом будет выделен лидерский корпус, из которого можно приходиться к появлению и подготовке высших руководителей и идеологов страны?

С этим связан механизм игромоделирования в направленности на сплочение лидерского сообщества на универсальных основаниях мировоззренческого и мироотношенческого типа. Именно в нового типа играх можно обеспечить иной механизм структурирования не только лидерского корпуса, но и, через них, всей страны.

Не станет ли преградой реализации этого «пути» эгоцентризм многих, разнородных сил, участвующих в жизни страны и имеющих иные цели, чем благо страны?

Преграда неизбежна, но ее преодоление зависит от складывания прозрачного механизма мобилизационно-инновационного процесса и его осознанного патронирования со стороны Президента, а также осознанного соучастия всех политических, нравственно-духовных, интеллектуальных сил общества, от создания нового типа «охраны», охраны цивилизации.

На чем основано совмещение усилий различных этносов и приверженцев различных идеологий, религий, верований и т.п.? Какова роль русских в этом движении?

Совмещение основывается на понимаемости, признаваемости всех типов оснований и нравственно-духовного опыта при выделенности арбитражных «метаоснований», нейтральность и полезность которых доказуема для всех заинтересованных сторон.

Роль «русских», имея в виду этнокультурный тип людей, если учесть многотысячелетнюю историю русов, состоит как раз в потенциале следования метаоснованиям. Поэтому они

- ◆ *не становятся конкурентами, противниками различных оснований, а лишь доказывают свой универсализм интеллектуально и духовно.*

Поскольку «отравления» духовности русских (и славян вообще) происходили целенаправленно длительное время. В этом и состоит «миссия России», в XXI и возможно – ином веке, веках.

О стратегиях

Хотя стали говорить о стратегиях и стратегическом планировании и называть «план Путина» стратегией, но этот план более соответствует стратегической направленности.

По содержанию он сводится к ряду мероприятий по совершенствованию того, что необходимо совершенствовать с очевидностью.

Расстановка приоритетов также очевидно, так как следует уже сложившейся регулярной практике во всем мире, с учетом особенностей России.

В то же время кардинальные вопросы не поставлены и ответы не даны.

- ◆ *Что такое Россия, не по натуральности, а «по сути»?*
- ◆ *Каков ее «цивилизационный портрет»?*
- ◆ *Каковы ее идеалы?*
- ◆ *В каком состоянии приближенности или отдаленности от идеалов она находится?*
- ◆ *Какова роль России в мире, как в прошлом, настоящем, так и в будущем?*
- ◆ *В какой степени обустроенности находятся все ее сферы и что такое «обустроенность»?*
- ◆ *Построена ли деятельность каждой сферы в соответствии с ее сущностью, ее функцией и что означает сущностное основание деятельности сферы, каковы уровни соответствия им существуют и какому уровню соответствует настоящее положение в каждой сфере?*
- ◆ *В каком состоянии находится «управляемость» Россией и что означает «нормальное» и «перспективное» состояние управления страной?*
- ◆ *Возможно ли сейчас управление по критериям «инновационности», «непрерывного развития», «цивилизационной перспективности»?*
- ◆ *В каком состоянии находится механизм стратегического управления и возможен ли он в рамках сложившихся инерций?*
- ◆ *Кто является союзником, соратником, противником России, и какова роль России в противопоставительной динамике мира?*
- ◆ *Созданы ли предпосылки сохранности России с учетом борьбы за ресурсы, экологическую выживаемость, динамики всех типов экстремизма и т.п.?*

Вопросов много и понимание их полноты, механизма возникновения вопросов, порождения ответов составляет предпосылку вхождения в стратегическое управление.

Забота Президента как иерарха всей управленческой пирамиды страны и ответственного не за «сумму всего», а за «целое», его наличие, его развиваемости, его безопасности, состоит

- ◆ *в обеспечении наличия и постоянного совершенствования, развития механизма стратегического управления. Только благодаря этому механизму возможно достижение стратегических целей, их постановки, коррекции.*

Можно ли сказать, что этот механизм, даже с недостатками, есть у России?

Его пока нет. Для того, чтобы его создать, следует учесть то, что было понятно волхвам, жрецам, фараонам, императорам, царям, мыслителям две, три, четыре тысячи лет назад.

У всего есть своя «сущность», в том числе у охватывающего целого (Вселенная, Универсум, Космос и т.п.) и у его частей (Земля, Цивилизация, страна, отрасль и т.п.).

- ◆ *Стратегическим может быть действие, замысел, который обеспечивает «уподобление» реальной целостности (страны и т.п.) ее сущности, выявленной на основе места этой сущности в ее основании – сущности «всего», в том числе «первопричине всего».*

Естественно, что анализ в таком «стиле» предполагает совсем иную подготовку управленцев, аналитиков, идеологов.

Забота Президента состоит в создании условий, механизма, обеспечивающего подобную подготовку и использование, совершенствование профессиональной деятельности участников стратегического управления.

Вне подобной заботы Президент неотличим от Премьера. Но если нет механизма стратегического управления, Премьер сводится к дирижеру «текущим процессом», достратегической прагматике управления.

Можно ли говорить, что нужна «Национальная стратегия»?

Для России, стране многонациональной, такая риторика неточна, некорректна.

- ◆ *Нужно говорить о «стратегии России», как стране, имеющей границы и соотносящейся с иными странами в целостности «Земли».*

Объектом управления является Россия. Но граждане России имеют свою национальную принадлежность и их устремленность к обустройству России, к ее защите, к ее движению в будущее, к участию в цивилизационном процессе зависят от их самоопределения в мире, относительно своей страны и своей национальной принадлежности.

Национальная принадлежность и нация, как особая организованность этноса определенного типа, зависят от генофонда, от генотипа, его проявления в психотипе, от исходной среды воспроизводства генофонда – семьи и ее помещенности.

Но она должна быть совмещена с бытием, динамикой бытия, механизмом страны.

- ◆ *Поэтому национальная политика не предполагает достижение эгоизма наций или административного уничтожения самодвижения наций.*

Преодоление ограниченности генотипического самодвижения обеспечивается культурным и духовным сопровождением самодвижения этноса, а сама культура, особенно духовная специфичность этноса, преодолевает свою ограниченность в культуре и духовности «как таковой».

Лидирующий в стране этнос должен иметь не только свои интересы и самодвижение, но и миссию ухода от ограниченности отдельного этноса, его генотипичности, его культурной и духовной специфичности и превращаться в арбитражный этнос.

Несоблюдение такого критерия вело к большинству конфликтов и «национальных катастроф».

Тот основной этнос, который способен двойственно существовать в стране, становится условием успеха страны и отсутствия межнациональных трагедий.

Россия обладает необычайным опытом подобного рода и усилия врагов России чаще всего направлялись на то, чтобы дезориентировать «малые народы», направить их против «гегемона», а также к тому, чтобы направить лидеров русского народа в сторону от арбитражной функции.

История культуры и духовности русов за последние 7-10 тысяч лет показывает, что русы обладали и арбитражным потенциалом, и защитным моноэтническим потенциалом.

- ◆ *Дегградация цивилизационного процесса обуславливалась снижением потенциала арбитражности и соотношением сил в пользу активных и агрессивных этносов.*

Тем самым, нужна и «национальная политика», и «национальная стратегия» для каждой из наций в единой стране. Если учесть, что в Европе и Индии в большей степени, чем в Северной Африке, ближайшей части Азии (Ближний, Средний Восток, Средняя Азия) остался глубинный слой генофонда русов, глубинный языковой и культурно-духовный слой русов, то потенциал договоренности на универсальных основаниях имеет перспективу.

Универсализм интеллектуальных оснований в принятии решений, который сохранен в Китае и используется во все более активной практике, также способствует договариваемости при осознанном вытеснении эгоцентрических опор, противопоставленных универсализму.

Начало

Подход к реализации «программы Президента» может осуществляться как

1. «сверху», если будет воспринята линия мысли и поддержана лидерами страны, либо
2. «снизу», за счет соорганизации на общественных основаниях.

В последние годы примером движения снизу являлась цепь симпозиумов, семинаров по рефлексивному управлению в России и перспектива «народного контура стратегического управления».

Примером подобного типа выступают и многие другие усилия, в том числе следование программе стратегических исследований и разработок цивилизационных стратегий в ММПК - Московском методолого-педагогическом кружке (руководитель О.С.Анисимов).

Игровое моделирование постановки и решения проблем высшего уровня сложности позволило разработать концептуально-технологическую основу стратегического «цивилизационного управления», метааналитику, выраженную в нескольких десятках книг. ◆

Список литературы

1. Анисимов О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. – М., 1991.
2. Анисимов О.С., Деркач А.А. Основы общей и управленческой акмеологии. – М., 1995.
3. Анисимов О.С. Методология: функция, сущность, становление. – М., 1996.
4. Анисимов О.С. Акмеология мышления. – М., 1997.
5. Анисимов О.С. Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники. – М., 1998.
6. Анисимов О.С. Стратегии и стратегическое мышление. – М., 1999.
7. Анисимов О.С. Гегель: мышление и развитие. – М., 2000.
8. Анисимов О.С. Метод работы с текстами и интеллектуальное развитие. – М., 2001.
9. Анисимов О.С. Культура принятия решений: диалоговые модели. В 2-х т. Т. 1. Проблемы моделирования управленческого мышления. – М., 2002.
10. Анисимов О.С. Культура принятия решений: диалоговые модели. В 2-х т. Т. 2. Культура принятия управленческих решений. – М., 2002.
11. Анисимов О.С. Маркс: экономическая онтология, метод, мир деятельности, М., 2002.
12. Анисимов О.С. Онтологии в рефлексивном пространстве. – М., 2002.
13. Анисимов О.С. Организационные онтологии и анализ систем деятельности (А.А. Богданов и современная методология). – М., 2002.
14. Анисимов О.С. Педагогическая акмеология: общая и управленческая. Минск, 2002.
15. Анисимов О.С. Принятие управленческих решений: методология и технология. – М., 2002.
16. Анисимов О.С. Виртуальные основы игромоделирования. – М., 2003.
17. Анисимов О.С. Методологическая культура и принятие решений. – М., 2003.
18. Анисимов О.С. Культура мышления и методология (к 25-летию ММПК). – М., 2003.
19. Анисимов О.С. Язык теории деятельности: проблемы трансляции. – М., 2003.
20. Анисимов О.С. Принятие решений в управленческих иерархиях. – М., 2004.
21. Анисимов О.С. Принятие управленческих решений: методология и технология. – 2-е изд., переработанное. – М., 2004.
22. Анисимов О.С. Стратегический портрет лидера России.
23. Онтология общества и социальное управление (А.А. Зиновьев и культура мышления). – М., 2004.
24. Анисимов О.С. Идеология и принятие государственных решений. – М., 2004.
25. Анисимов О.С. Методология на рубеже веков (к 50-летию ММПК). – М., 2004.
26. Анисимов О.С. Методологический словарь для стратегов. Т.1– 2. – М., 2004.
27. Анисимов О.С. Стратегический портрет лидера России. – М., 2004.
28. Анисимов О.С., Цой В.И. Схемы и их педагогическое использование в развивающем обучении. – М., 2005.
29. Сборник учебных программ, тренингов, проектов. – Авт.-сост. О.С. Анисимов. – М.: ИПКгосслужбы, 2005.
30. Анисимов О.С., Мундриевская Е.Б. Стратегическое управление: проблемы теории. – М., 2005.
31. Анисимов О.С. Стратегическое управление и государственное мышление. – М.: ИПКгосслужбы, 2006.
32. Анисимов О.С. Цивилизационные катастрофы и стратегическое мышление. – М., 2006.
33. Анисимов О.С. «И-Цзин Чжоу И» как шедевр акмеологической мысли. – М.: ИПКгосслужбы, 2006.
34. Анисимов О.С. Высшие формы профессионализма государственного мышления. – М., 2006.
35. Анисимов О.С. Культура принятия цивилизационных решений в условиях цивилизационных конфликтов (вопросы моделирования). – М., 2006.
36. Анисимов О.С. Сталин: стратегический портрет в цивилизационной рамке. – М., 2006.
37. Анисимов О.С. Креативная акмеология. Учебное пособие. – М.: Издательство РАГС, 2007.
38. Анисимов О.С. Стратегическое управление: единство интеллектуальных, нравственных и духовных оснований. – М., 2006.
39. Анисимов О.С. Развивающие игры. Игротехника. Методология. В 2-х т. – М., 2006. Т. 1. 487 с. Т. 2. 350 с. – М., 2006.
40. Анисимов О.С. Методологическая парадигма (опыт ММПК). – М., 2007.
41. Анисимов О.С. Цивилизация и ее механизмы: становление и разрушение. В 2-х томах. – Т. 1. – М., 2007. 600 с. Т. 2. – М., 2007. – 539 с.
42. Анисимов О.С. «Духовность» и «религия» как средства принятия государственных решений. – М., 2007. – 529 с.
43. Анисимов О.С. Основы метааналитики. В 2-х томах. Т. 1. – М., 2007. 300 с. Т. 2. – М., 2007. – 582 с.
44. Анисимов О.С. Рефлексия и методология. – М., 2007. – 420 с.
45. Анисимов О.С. Схемы как средство мышления. – М., 2007.
46. Анисимов О.С. Схемы и схематизация: путь в культуру мышления. – М., 2007.
47. Анисимов О.С. Теоретическая психология и понятийная парадигма. – М., 2007.
48. Анисимов О.С. Теоретическая акмеология: предмет, структура содержания, тренинг. – М., 2007.
49. Анисимов О.С. Высшие формы аналитики и политическое мышление. – М., 2006.
50. Анисимов О.С. Методология: сущность и события. – М., 2007.
51. Анисимов О.С. Рефлексивная акмеология. – М., 2008.
52. Анисимов О.С. Цивилизационная безопасность. – М., 2008.
53. Анисимов О.С. Методология и наука в XXI веке. – М., 2008.
54. Анисимов О.С. Методология и духовное развитие в XXI веке. = М., 2008.
55. Анисимов О.С. Методология и цивилизационное самоопределение в XXI веке. – М., 2008.
56. Анисимов О.С. Онтологии, системный подход и высшая мыслетехника. – М., 2008.
57. Анисимов О.С. Мышление и логика «восхождения» – М., 2008.

ММПК в лицах

Фотоальбом

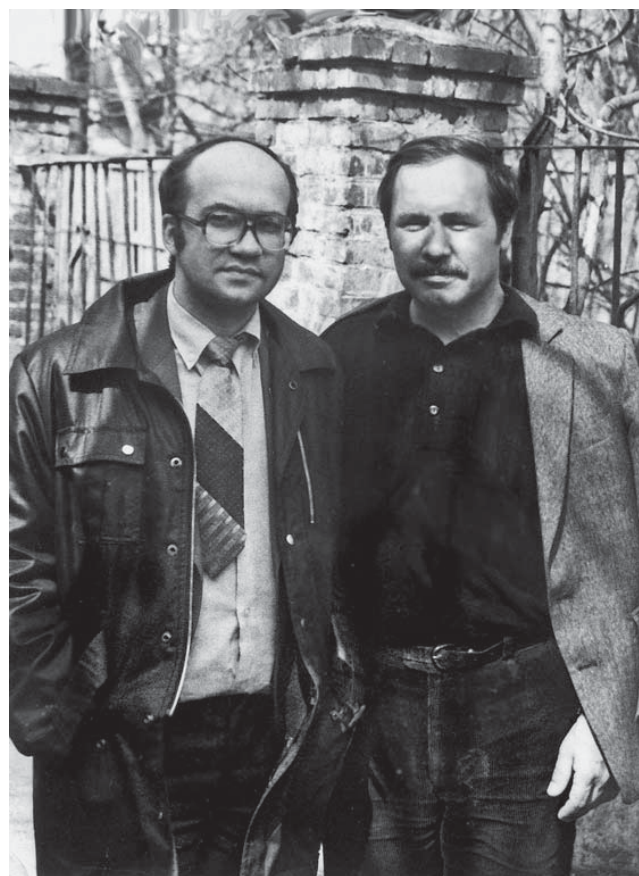
Недалеко от Киева, 1984.
Ю. Ясницкий. Сама бодрость
в мышлении.

Уфа, 1987.
В. Бязыров. Мудрость в действии.

Москва, 1985
И. Злотников. Все хочет понять.

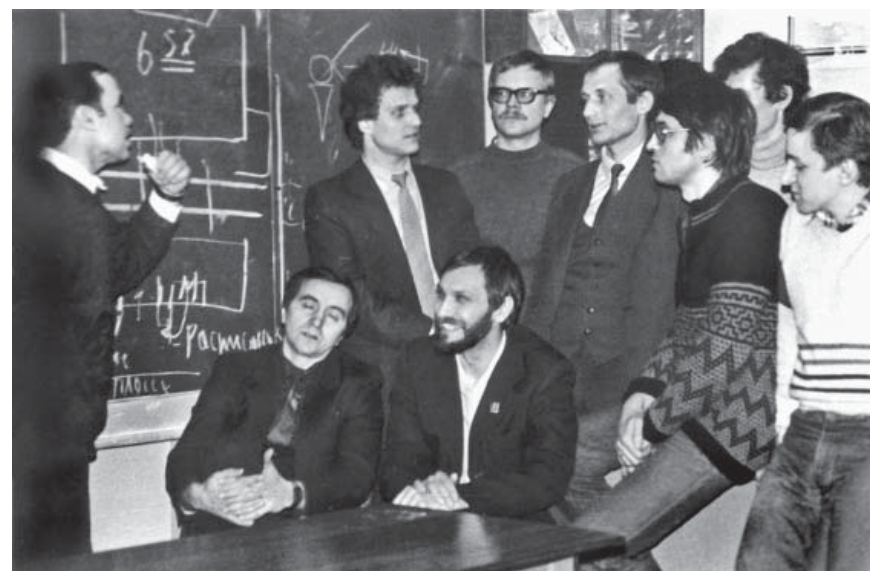
Москва,
у кафедры на
Соколе, 1985.
С. Самошкин.
Первый староста
кружка.
Уже задумчив.

Игротехническая школа, 1989.
В. Чернушевич. Проникновенно о главном.

Москва, у кафедры, 1986.
Веселая компания и примкнувший Т. Акбашев.

Игротехническая школа, 1989.
Д. Пивоваров. Не все так просто в мире мысли.

Москва, кафедра в МАДИ, вотчина В. Давыдова 1988.
В. Давыдов. Млеет от понимания
В. Чернушевич. Счастлив от всего в мире.
Н. Федулов. Пытается понять, глядя на понимание других.
В. Буторин. Уже почти понял.
Н. Соловьев. Понимает, как может.
В. Макаревич. Пытается усмотреть через очки суть обсуждаемого.

Москва.
Н. Федулов. Первые опыты мышления.

Москва, МИСИ, 1988.
А. Чернявская. Сколько же в этой мысли нового.

Москва, первый модуль, 1988.
Е. Суворина. Уже понимает кое-что.
Е. Ткаченко. Трудится не покладая рук.
Г. Таипова – Удивлена глубиной обсуждаемого.
А. Остапович. Подозревает, что все еще глубже.
С. Викулов. Попытка понять похожа на пытку.
Р. Аязбекова. И в мысли есть что-то сладостное.
Е. Комраков. Тут то все уже понятно.

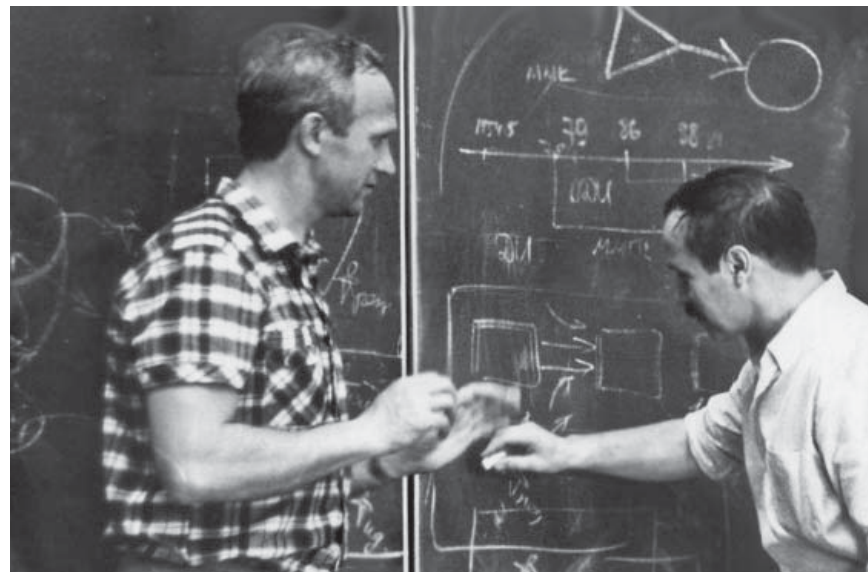
Рига, 1986.
Сборная гуманитариев и бывших инженеров.
А. Михайлов. Грустит как всегда.
П. Мейтув. Полон внутреннего оптимизма.
Е. Хижнякова. Здесь все так славно.
Н. Соловьев. Хорошо все, но надо думать.

Алма-Ата 1988.
Команда в сборе.

Великий Новгород, 1990.
В. Косенко. Надо притормозить, очень
сложно.

Великий Новгород, 1991
Игротехническая рефлексия
на модуле.
В. Любарский. Что-то они очень все
усложнили.

Великий Новгород 1991.
Есть время и чай попить.
Т. Каплунович. И пьет, и думает. Что же делать?
Н. Стрикун. Улыбка из-за плеча.
И. Попов. Пьет за торжество истины.

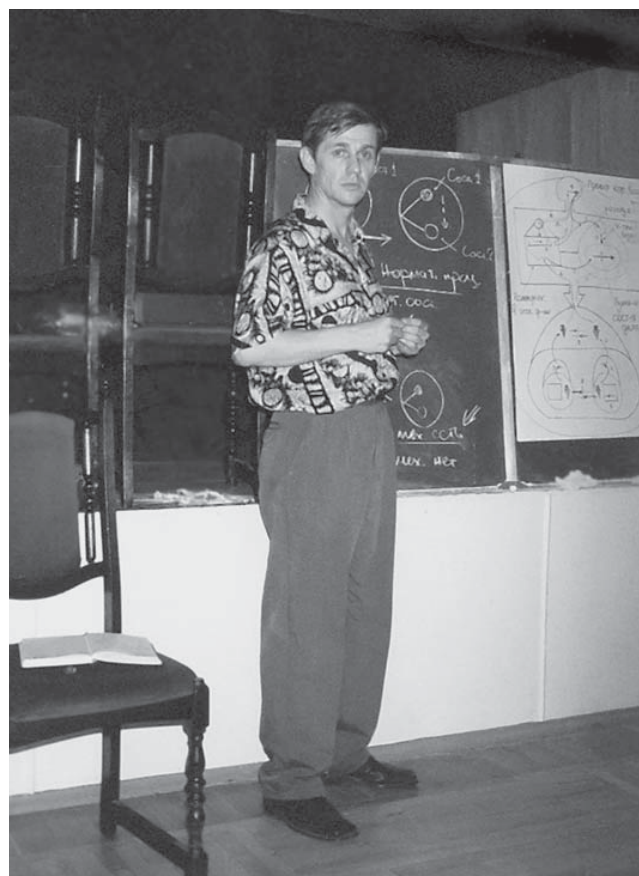
Караганда, середина 90-х г.г.
В. Цой. Всегда в строю и всегда ендар.
С. Ваннер. Все здорово, но так сложно.

Москва, РАГС, конец 90-х г.г.
А. Емельянов. Конечно, это уже не чухня, хотя осторожности не помешает.

Омск, 1997.
Сибирская надежда.
С. Гончарова. Пора взлетать.
Т. Салатич. Все прекрасно.
И. Стрыжков. Именно здесь путь к вершинам.

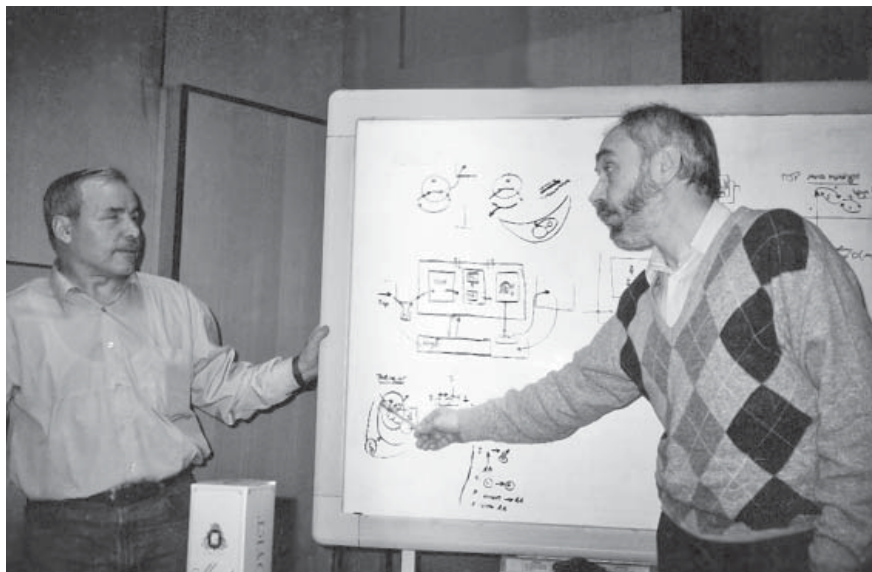

Балашиха, 2000.
В. Верхоглазенко.
Доказательство
без схем невоз-
можно.

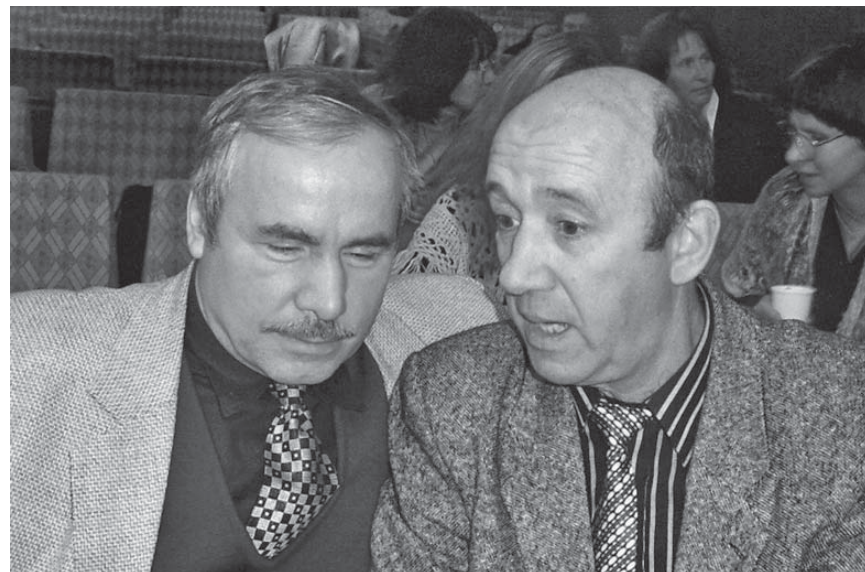
Москва. Солнечный, 2004.

С. Чекин. Надо же обратить внимание на эту черточку.

Минск, 2000.

Б. Пальчевский. Над этим надо еще не раз подумать.

Киев, начало 2000-х.

В.Колпаков. Не надо забывать о всеобщем бардаке мышления.

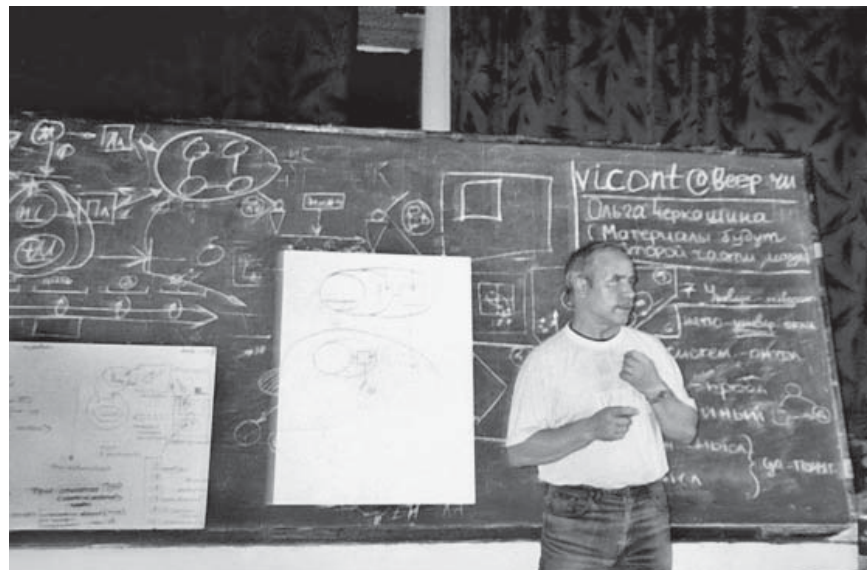
Обнинск, 2006.

В музее атомной станции нужно думать глубже и тоньше.
М. Гайдин. Любите методологию, ребята.
С. Чекин. Как они сумели, умницы.

Москва ВШУ, 1989.
А. Матвеев. Не зря я их связал с АПК,
вот и возникла кафедра методологии.

Переяславль Залесский 2004.
О. Анисимов.
Прекрасен мышления мир.

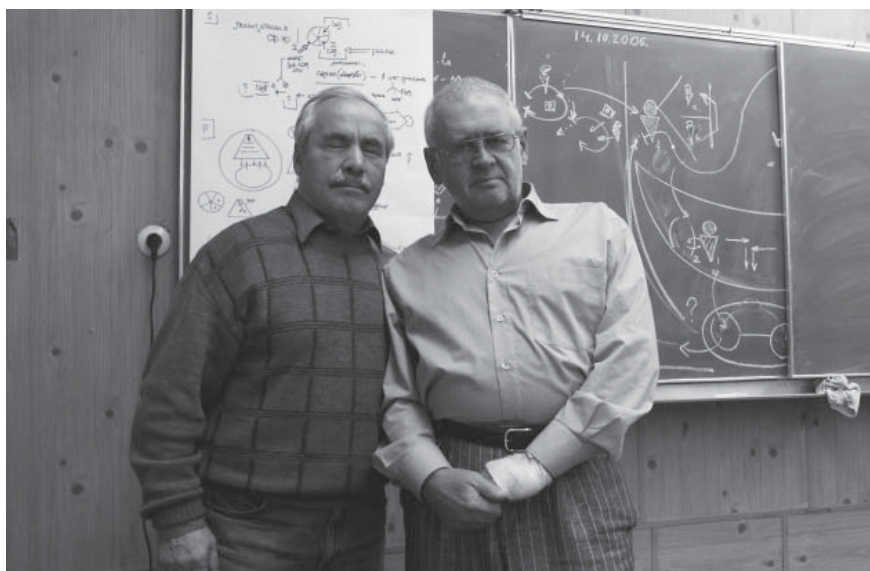
Могучая кучка – наши дни.

2008, г. Пущино, амфитеатр музшколы.
Жара не мешает консультации.

Высшая лига на лидерском модуле.

Пятерка из фланга сильнейших.
А. Иванов, И. Ивашкин, А. Смирнов,
Е. Останина, И. Нелидовская.

2008. О.А. Жирков
Он не перестает мечтать о технотеатре.
Но лучше, чем в Кремле.

А. Климов, Е. Климова. А. Иванов.
В глубинке Подмосквья пеклись
стратегические пироги.

Семенова Г.Д.
С радостью и возвышенно она ждет
новых текстов.

Насколько они разные, но встретились
в черниле мысли. 2007.

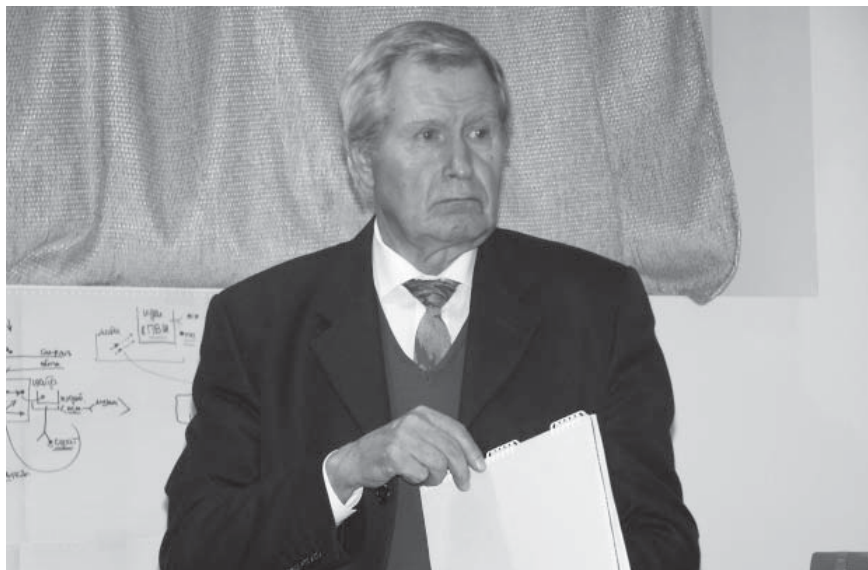
Чувственно-ориентированный актив.
2006.

Всегда готовы задуматься.

Мы занимаемся серьезным делом.

Мудрейший всегда готов помочь.
В. Минин. 2007.

Хохлова Г.И. Она все воспринимает
всерьез.

Московский Методолого-Педагогический Кружок

30 лет служения истине и культуре мышления

